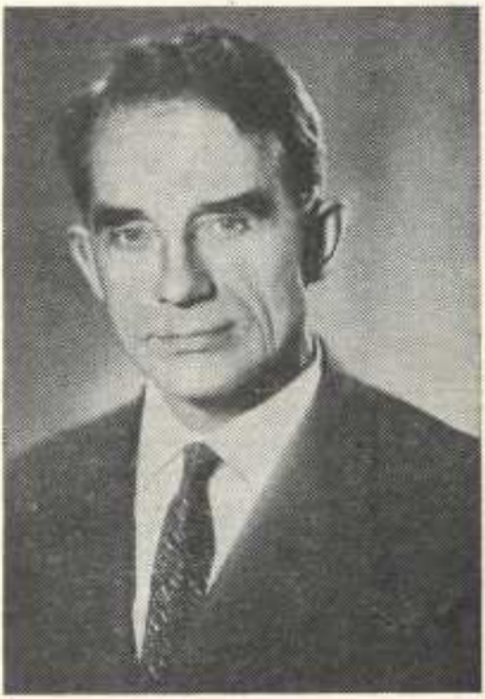
БИБЛИОТЕКА
ОГОНЁК
№ 47 1986
ISSN 0132-2095



Николай СТАРОСТИН

МОИ ФУТБОЛЬНЫЕ ГОДЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Николай Петрович Старостин — начальник футбольной команды московского "Спартака". Его стаж игры и работы в футболе уникален — 68 лет.

Родился в 1902 году, начал играть в 1918-м в команде РГО. В 1922 — 1936 годах — правый крайний нападающий в командах МКС, «Красная Пресня», «Пищевики «Дукат», «Мукомолы», «Промкооперация» (все они предшественницы «Спартака») и, наконец, в «Спартаке». Был одним из организаторов и руководителей добровольного спортивного общества «Спартак».

Н. Старостин входил в сборные команды Москвы (в ее составе пятикратный чемпион страны), РСФСР, СССР, был капитаном этих команд. Состоял в руководстве «Спартака» в годы, когда команда 8 раз становилась чемпионом и 6 раз завоевывала Кубок СССР.

В числе первых в 1934 году ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта. В 1937 году награжден орденом Ленина.

Написал книгу «Звезды большого футбола».

-
- НАМЕК НА БУДУЩЕЕ
- ПАМЯТЬ КАПИТАНА
- КОМУ РУКОВОДИТЬ ФУТБОЛОМ?
-
- НАШЕ ЧИСЛО ОДИННАДЦАТЬ
- ДОБРОЕ ИМЯ ФУТБОЛА
- КОМАНДА И КЛУБ
- ПОСТОЯНСТВО МАСТЕРСТВА
- ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ

Прежде всего я хотел бы объяснить свои намерения.

Предвижу, что читатель настраивается на мемуары: вся моя жизнь, прожитая в футболе, как бы само собой располагает удариться в воспоминания, изложить по порядку, не спеша, все, чему был свидетелем на протяжении шестидесяти восьми лет своего стажа. Были у меня два годичных перерыва в непосредственной работе с командой, и в один из них, в 1966 году, я написал книгу «Звезды большого футбола», которая, насколько могу судить, мемуарного характера. А потом снова и по сей день я — начальник команды московского «Спартака».

Должность эта, смею уверить, такого рода, что не выберешь времени пойти в отпуск. Не для красного словца, а вполне точно могу сказать, что не брал отпуска лет пятьдесят. Так что ни эпическим настроением, ни значительным промежутком в занятиях я не располагаю.

Однако, положение дел в нашем футболе не настолько благополучно, чтобы с легкой совестью ограничиться работой с одной своей командой и тешить себя сознанием, что оказываешь ей посильную помощь.

Я высокого мнения о возможностях нашего футбола, чувство это в крови, приобретено в личном опыте игрока, в опыте руководителя, наблюдателя, в известной мере и в литературном опыте. Мне чужд нигилизм, которым заражена часть футбольных деятелей и болельщиков. Тем более огорчают и задевают меня так называемые узкие места, сдерживающие, искажающие естественное развитие футбола.

Футбол живет не на одном зеленом газоне. Он произрастает на почве, может быть, и скрытой от глаз зрителей, но решительно определяющей как достоинства игры, так и результаты. Почва эта, если выразиться коротко,— порядок и моральная атмосфера. Вот об этом я считаю своим долгом высказать ряд соображений. Мне это и ближе всего по роду работы.

А начну я с впечатлений о XIII чемпионате мира. Он еще стоит перед глазами, да и заключен в нем немалый смысл.

НАМЕК НА БУДУЩЕЕ

Первое, что бросилось в глаза,— это то, что футбол делается все более нарядным и мелодраматичным, иначе говоря, усиливается его эмоциональное воздействие на аудиторию. Пестрее и ярче форма, в которую одеты команды, а вратари — так те просто в экзотических нарядах. Игроки не сдерживают жестикуляции, как бы желая объяснить зрителям свои поступки и промахи, а при столкновениях и падениях порой разыгрывают «жуткие» сцены ради того, чтобы вызвать к себе сочувствие.

Заметно и то, что гораздо надежнее становятся предматчевые прогнозы. Привычная непредсказуемость исхода игр пошатнулась. Для меня, например, в ходе групповых турниров неожиданными были лишь результат 6:0 в матче советской сборной с венграми (не победа, а счет) да неудачи англичан в первых двух встречах со сборными Португалии и Марокко. Думаю, что тут сказывалась не только осторожная рассудочность, но и вообще характер сегодняшней подготовки команд к каждой игре, когда учитывается заранее все, что можно учесть, и перед всеми открывается возможность пользоваться видеозаписями матчей с участием будущих противников. Так уж заведено, что на чемпионатах мира вольно или невольно сопоставляется футбол разных континентов. И раньше отмечалось их взаимовлияние. Мне представляется, что на стадионах Мексики разница еще более стиралась, европейцы и южноамериканцы настойчиво учатся друг у друга. В чем это выражается? Скажем, универсальность, умение игрока выполнять разные задачи и разные приемы европейцы заимствовали у южноамериканцев, а те переняли у нас игру с перемещениями футболистов без мяча. Сборные Бразилии и Аргентины ныне выглядят на уровне лучших европейских стандартов.

Всегда возникает и такой вопрос: какой футбол в ходу — атакующий или оборонительный? Я бы ответил: контратакующий. Когда команда проигрывает и чувствует, что пришло время последних попыток, то тут делать нечего, кроме как пускаться в атаку всеми силами. Чаще же всего приходилось видеть, что обе команды занимают выжидательную позицию. Самостоятельная, я бы ее назвал суверенной, наступательная тактика проглядывала у сборных Бразилии, Франции и Аргентины.

Наша команда первые две игры провела ярко и целеустремленно. Ей это удалось благодаря тому, что она молода, для большинства игроков чемпионат мира был в новинку, и это как бы придавало чувствам свежесть. Правда, в

сопоставлении по части технической обученности она пусть и немного, но все же уступала лучшим командам, но это не ее вина, а давнее отставание нашего футбола.

Свое ощущение от матча СССР — Бельгия я определил бы одним словом — обидно. Совершенно уверен, что наша команда нисколько не

слабее бельгийской. Она имела больше голевых моментов, были и такие, когда не забить труднее, чем забить.

Но, конечно, за так называемым невезением всегда проглядывают и вполне реальные причины. Обратите внимание: сборные Бразилии, Аргентины, Франции начали чемпионат спокойно и от матча к матчу набирали обороты, тогда как наша сразу включилась с азартом, на полную мощность (матчи с Венгрией и Францией), и прибавить ей, по сути дела, оказалось нечего. Мы уже не первый раз на чемпионатах мира просчитываемся в стратегии.

Беланов забил бельгийцам три мяча. Кажется, чего еще желать? Однако пропущенеˆйашими четыре. На мой взгляд, в этом сложном, напряженном матче, когда противник изыскивал малейшие шансы для победы, проявилась неподготовленность наших игроков обороны к трудной борьбе. Баль и Бессонов, напомню, бывшие полузащитники, они приучены скорее перехватывать мяч, чем отбирать. Демьяненко был на этот раз инертен. Один только Кузнецов выглядел знающим защитное дело. Ведь даже если допустить, что второй гол Кулеманс забивал из положения вне игры, защитники не имели права останавливаться, обязаны были оказывать ему противодействие, это один из законов их игры, а они беспечно его нарушили. Странно и горько было видеть, как бельгийцы в упор, без помех били по воротам.

Шесть игроков основного состава десять дней не имели игровой практики, пропустив матч с канадцами. Столь щедрый отдых не пошел им на пользу, как раз в их действиях не чувствовалось свежести. Это Рац, Яремчук, Яковенко, Демьяненко, Бессонов, Дасаев. Да и вся команда в сравнении с первыми матчами выглядела не мобилизованной, а скорее размякшей, благодушной, в ее настроении как бы сквозило: «С бельгийцами-то справимся, силы надо поберечь до четвертьфинала». И тут, как мне кажется, нашей команде особенно остро не хватало опытного лидера, вожака, который мог бы позвать и повести за собой остальных. И наконец, бросалось в глаза и то, что в атаке Беланову не было пары, равноценного форварда. Однако не хотелось бы, чтобы обидный проигрыш перечеркнул все сделанное нашей командой. Да, она выбыла из чемпионата явно

прежде срока, но свой голос подала, ее заметили, с ней считались, недаром и французы, и бельгийцы, встречаясь с ней, особое внимание уделяли обороне, разрабатывали специальные планы.

Чемпионат мира устроен таким образом, чтобы каждая из 24 команд сумела провести не меньше трех матчей, себя показать, других посмотреть, да и оправдать расходы, благо мексиканские зрители охотно посещали стадионы. Приятное совмещается с полезным. 36 матчей (всего их на чемпионате 52) сыграны в рамках групповых турниров. Эта большая часть программы прошла в ожесточенной борьбе. О чем же она нам поведала?

В общем, можно сказать, что первый отбор прошел согласно предположениям. Я, во всяком случае, ничем удивлен не был. Как и содержанием игры в ходе предварительных турниров, которая за некоторыми исключениями ничего экстраординарного из себя не представляла, хотя и позволяла предположить, что на следующем этапе многое может измениться к лучшему. На первом плане стояли деловые, конкретные интересы, в футболе обычно связанные с намерением не столько забивать, сколько не пропускать. Истинный же чемпионат начался с момента, когда была приведена в действие система с выбыванием.

Сделав оговорку о «некоторых исключениях», я имел в виду, например матч Бразилия — Северная Ирландия. Бразильцы выиграли 3:0. Надеюсь, меня поймут, если я скажу, что особо внимателен к деталям. Так вот был эпизод, когда бразильцы провели быструю атакующую комбинацию с участием нескольких игроков, сделав в ходе ее пять передач в одно касание. Это не назовешь иначе чем высшим показателем технического совершенства. Представьте, первым же прикосновением к мячу, не останавливая его и не подправляя, не задерживая, переадресовывать его совершенно неожиданно для противника точно туда, куда надо! Если у нас прежде в «Спартаке» Черенков и Гаврилов разыгрывали комбинацию с двумя передачами в одно касание, это считалось успехом. А тут — пять. Когда на следующее утро я встретился с тренером К. Бесковым, он сразу меня спросил: «Видели, как бразильцы сыграли в пять передач в одно касание? »

Громкий резонанс вызвал матч Франция — Бразилия, не без оснований названный многими досрочным финалом. Какие мысли он навеял? Матч напомнил мне шахматную партию, над стадионом как бы повисло раздумье. Обе стороны, не желая попасться на тактическую хитрость противника, на его «домашнюю заготовку», были преисполнены уважения друг к другу. Демонстрировалась техника, доведенная до совершенства.

Та команда, которая завладевала мячом, сразу становилась опасной, она выглядела способной довести дело до попадания, до гола, как в баскетболе. В этом было что-то пророческое, нам показывали — вот таким футбол станет в будущем, и, пожалуй, можно было этому поверить. Ничейный счет показался закономерным. Необходимо отметить и то, что игра отличалась корректностью. В общем, мы вдоволь нагляделись и на тактические расчеты, и на тонкое владение мячом, и на то, как свои роли лидеров исполнили звезды.

Но были и моменты, когда судьба матча висела на волоске, зависела от случая. Во втором тайме в ворота французов был назначен пенальти. Бить собрался знаменитый Зико. И тут мне вспомнился товарищеский матч нашей сборной на «Маракане» с бразильцами в 1980 году. Тогда тоже при счете 1:1 хозяева поля получили право на пенальти и к мячу вышел тот же Зико. Он не забил, а наша команда вскоре провела второй гол и одержала свою первую победу над сборной Бразилии. Вспомнив ту историю, я подумал: «Забьет ли?» И надо же так случиться — не забил, вратарь Бате угадал. Не хочу поставить под сомнение мастерство Зико, но, как видите, бывают удивительные повторения.

Душу приласкал мне матч Бельгия — Испания. Не знаю, предвосхищал ли он будущее футбола, но доброе прошлое напомнил. Игра сложилась в полном смысле слова атакующей, обе команды смогли себя проявить, давали друг другу играть, футболисты не кидались на соперника в момент приема мяча, я бы даже сказал, что при всей остроте ситуации они вели себя по-товарищески. Чередовались захватывающие моменты, у ворот не скапливались толпами, зрителям было из-за чего волноваться. И ни малейшего признака сражения — воевали игрой.

Выход сборной Бельгии в полуфинал сломал все прогнозы. Думаю, что эту команду, в своем групповом турнире занявшую скромное третье место и потому рассматривавшуюся многими в качестве аутсайдера, взбодрила удача во встрече с советской сборной, на что она, вполне вероятно, не слишком рассчитывала. Во всяком случае, в матче с испанцами игру она держала в своих руках довольно уверенно. Испанцы долго атаковали без видимых шансов на успех, их пылкость натыкалась на хладнокровие бельгийцев. Опять серия пенальти, и вратарь Бельгии Пфафф, отбив один удар, фактически выиграл матч.

Команды ФРГ и Мексики не нашли чисто футбольных, игровых аргументов и погрязли в столкновениях, грубостях, что повлекло за собой удаление с поля по одному футболисту из каждой команды и множество желтых карточек. Не заладилась игра у лучшего нападающего мексиканцев Санчеса,

комбинационные связи нарушились, а индивидуальные прорывы легко пресекали опытные защитники сборной ФРГ. В свою очередь, сборная ФРГ не смогла ничего предложить, кроме силового давления. Выигрывать было нечем, а хотелось, отсюда и футбол с постоянными отклонениями от правил. Зрелище не из приятных. И опять серия пенальти, и тут на первый план вышел опытный вратарь сборной ФРГ Шумахер, отбивший два удара. А его партнеры в этом «упражнении» показали хорошую выучку, били без промаха.

Единственный матч дал результат в основное время: Аргентина — Англия—2:1. Для меня он не был неожиданным. И в прежних встречах, пусть и удачных, но с противниками менее классными, англичане действовали по единственному трафарету: навес мяча с фланга и завершение атаки с позиции центрального нападающего. Им эта комбинация удалась и в матче с аргентинцами, но уже при счете 0:2. При всем уважении ко многим чертам английского футбола должен сказать, что игровое неизменное постоянство (или однообразие?) рано или поздно, особенно на таком турнире, как чемпионат мира, обращается себе во вред.

Показательно, как бы в противовес игровой манере англичан, провел в этом матче свой второй гол Марадона. Это был «звездный» гол, гол высшего достоинства. Одного за другим аргентинский форвард обвел трех защитников, выбежавшего вратаря Шилтона и даже не забил, а закинул мяч в пустые ворота. Пусть этот гол был личным достижением Марадоны, но стиль исполнения был характерен для игры аргентинской сборной, затейливой и разнообразной.

Я напомнил о четырех четвертьфинальных матчах для того, чтобы обратить внимание читателей на их несхожесть, несмотря на то, что по внешним, цифровым итогам они близки друг другу. Такая несхожесть выгодно аттестует и чемпионат, и состояние футбола в целом, нет ничего более унылого, чем одинаковость команд во всех проявлениях.

Конец — делу венец, потому к финальному матчу у нас всегда особое отношение, он подводит черту под нашими наблюдениями. Не боюсь признаться, что считал шансы сборной ФРГ выше. Я руководствовался прежде всего богатым опытом и футбольной культурой замечательного в прошлом свободного защитника Беккенбауэра, ныне тренера этой команды. На этот раз я не угадал. И нисколько о том не жалею. Почему не жалею — скажу позже, а пока о том, почему не угадал.

Финал с участием сборных Аргентины и ФРГ выдался на редкость драматическим, изобиловал неожиданностями. Голы

далеко не одинаковы по своему значению, я делю их по категориям. Первый гол обычно определяет дальнейшее течение игры и настроение сторон. Так вот в этом матче сильный вратарь сборной ФРГ Шумахер допустил трудно объяснимый срыв, выбежав из ворот и проскочив мимо мяча, после чего аргентинцы легко открыли счет. Это наложило отпечаток на весь матч. Стремясь отыграться, сборная ФРГ оголила тылы, что позволило аргентинцам провести ловкую контратаку 2:0. Второй гол в большинстве случаев предопределяет конечный результат. Но исключительность этого увлекательного матча, где ставкой было звание чемпиона мира, состояла в том, что он отверг общепринятые установления. Сборная ФРГ, воспользовавшись самоуспокоением соперника, усилила давление и после образцовых розыгрышей угловых ударов сквитала счет — 2:2. И тут сборная ФРГ на радостях возомнила себя способной «дожать» соперника, защитники авантюрно выдвинулись вперед, и кончилось это, как и следовало ожидать, наказанием. Резкая, стремительная контратака аргентинцев, а заслониться от нее некому. 3:2, и спор о чемпионе решен.

Согласитесь, что предусмотреть подобные повороты едва ли было возможно. А теперь о том, почему я не жалею, что чемпионом мира стала сборная Аргентины. Должен оговориться, что я не гонюсь за сверхобъективностью и скажу то, что отвечает моим представлениям о футболе. Так вот, по моему разумению, футбол выиграл, получив такого чемпиона, как сборная Аргентины. У этой команды чувствуется творческое начало, вера в виртуозность, в самовыражение каждого игрока с помощью технических приемов и обводки, у нее культ звезд, она, если хотите, романтична. И добавлю, что такой футбол зрелищен, он нравится зрителям, он им понятен. Представим на минуту, что чемпионом стала бы сборная ФРГ. Тогда мы обязаны были бы в заслугу первой команде мира поставить плановость, верность схеме, стандарту, безоговорочное послушание тренеру и жесткость. Кстати, от жесткости до жестокости в футболе всего полметра расстояния.

Убежден, что в целом мексиканский чемпионат представил нам мировой футбол развивающимся. На пользу пошло расширение числа финалистов до 24, со временем выдвинутся в лидеры те команды, которых пока в расчет не принимают. Сложные технические приемы стали выполнять не только звезды, а многие игроки. Достаточно вспомнить эффектнейший гол, забитый мексиканцем Негрете в ворота сборной Болгарии. Скорость оценивается не по секундомеру, а тем, как быстро был отдан мяч, сколько времени ушло на принятие решения. А какой

высочайший темп был во втором тайме финального матча, несмотря на мексиканские условия, которым так пугали! Нетрудно представить, что на следующих чемпионатах и темп игры вырастет, и техническое умение прибавится. Разумеется, наблюдая эа играми, я постоянно думал о наших делах. У меня не создалось впечатления, что советский футбол уступает в сопоставлении с другими школами.

Но почему же тогда нет у нас заметных, постоянных успехов на международной арене? После чемпионата я еще более утвердился в мысли, что в футбольной отношении мы достаточно сведущи, у нас есть способные игроки, но все это растворяется в организационной аморфности и неразберихе. Возможность успеха становится делом случая, а не итогом работы.

Со стадионов Мексики перенесемся на наши.

ПАМЯТЬ КАПИТАНА

Никогда не претендовал на роль публициста. Не умел, не умею и сейчас разложить все по полочкам и настаивать на своих доводах безоговорочно, не желая слушать возражений. Заранее скажу, что не намерен поучать, свои заметки рассматриваю как субъективные, наверное, в чем-то спорные, буду удовлетворен, если они послужат кому-то поводом для размышлений.

Перед моими глазами прошла вся история советского футбола. Я нисколько не преувеличил: впервые на настоящее поле, правда, примитивное, я вышел шестнадцати лет от роду, и было это весной 1918 года.

Поле называлось «Горючка», представляло из себя пустырь за нынешним Зоопарком, а команда — РГО (русское гимнастическое общество). Во второй команде этого общества я и дебютировал в качестве правого инсайда. Вкратце история такова. Мы с братом Александром начали бегать на коньках на Патриарших (Пионерских) прудах, где находился павильон РГО. Ответственный секретарь общества, конькобежец-спринтер Николай Тимофеевич Михеев был еще и ярым футболистом. Своего поля РГО не имело, да и команда была плохонькая. Мы с братом, знавшие всю округу, и указали Михееву на «Горючку». А пустырь тот, надо заметить, имел дурную славу, там собиралась местная шпана, картежники. Когда мы, футболисты, оккупировали пустырь, он сразу как бы облагородился. Так что футбол и тогда выполнял культурную миссию. Спустя некоторое время . РГО слилось с ОФВ (общество физического воспитания) Краснопресненского района. Шли поиски наиболее подходящей структуры физкультурной работы, все тогда только складывалось, не раз переделывалось. Это было в порядке вещей, потому что и в спорте совершалась революция: на стадионы хлынул рабочий люд. У «Красной Пресни» был стадион (по нынешним меркам — стадиончик, с деревянными трибунами тысяч на пять зрителей) на том месте, где сейчас здание издательства «Московская правда». Когда мне приходится бывать в районе бывшей «Горючки» или в редакции «Вечерней Москвы», я, можно сказать, подошвами чувствую те поля, на которых играл шестьдесят с лишним лет назад. Ничего узнать невозможно, а память живет и волнует.

Что представляла собой тогдашняя «Красная Пресня»? Это был небольшой клуб, объединявший людей, жаждущих играть в футбол. Весь наш, с позволения сказать, бюджет складывался от продажи билетов. В клубе каждому выдавали по одной футболке

на год, и мы берегли ее как святыню. Остальное снаряжение приходилось покупать самим. Если команде предстояла поездка, чаще всего в Ленинград, наш руководитель, Иван Тимофеевич Артемьев спрашивал: «На билеты наскребете?» И тут же предлагал сложиться в пользу тех, кто не мог «наскрести». Мы были бедны. Но не душой. Стадион был вторым домом, на игры и на тренировки ходили с женами и детьми, кто что мог несли в клуб, патриоты были мы отчаянные. Стадион наш не существовал, а жил. Среди нас был один, кому по карману оказывалось частенько приезжать на стадион на извозчике. Все высыпали на улицу и кричали: «Едет, едет!» Я не могу об этом не вспоминать, когда вижу наш шикарный спартаковский «Икарус» и рядок «Жигулей» и «Волг», на которых прибывают на тренировку футболисты...

И еще я вспоминаю ту уже не существующую, людную, кипящую бодростью «Красную Пресню» всякий раз, когда вижу наши прекрасные стадионы пустующими, куда не пускают мальчишек. Мне это непонятно.

Предполагаю, что в нашей среде немало молодых людей иронически относятся к прошлому. Они с апломбом и почему-то со множеством иностранных слов распинаются о том, что футбол и в мировом масштабе и у нас в стране во всех отношениях преобразился не раньше, чем вчера, и что все знания принадлежат им, они — вершители прогресса и чуть ли не с них все и началось.

Что тут скажешь? Изменения в самом деле разительные. Но наивно думать, что все они свершились в последние годы. Они происходили постепенно, на всем протяжении истории советского футбола. Смею думать, что мне это особенно хорошо заметно.

„ футбол наш получил едва ли не все, о чем можно мечтать. Грандиозные стадионы, учебные базы, оснащенные по последнему слову спортивной науки, сеть детских школ, раскинувшуюся по просторам страны, сотрудничество ученых и врачей, участие во всех международных соревнованиях, поддержка со стороны партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций. Футбол наш снаряжен, обеспечен, окружен заботой, обласкан. Миллионы людей посещают стадионы, а уж сколько их собирается возле телевизоров, кажется, точно не знает никто. Я побывал на стадионах многих стран и готов утверждать, что нигде не встречал такой благожелательной, справедливой, терпеливо ждущей лучших дней публики, как у нас.

Еще двадцать с лишним лет назад я имел формальное право стать пенсионером, устраниться от футбольных дел. Если бы это произошло, сейчас я, по всей вероятности, выглядел бы ворчуном,

повернутым в прошлое, и мои доводы, основанные на сравнениях, казались бы читателям, особенно молодым, наивными. Но я работаю, клуб — из числа ведущих, поставляет игроков в сборную СССР.

Само собой разумеется, кое-что из опыта двадцатых и тридцатых годов устарело. Я, например, застал времена, когда в командах не было тренеров и всем и всеми заправлял капитан. Сейчас это невозможно представить. Мне 23 года, я правый крайний нападения, мне в радость играть, забивать голы, и тут вдруг меня выбирают капитаном. Прежний, Иван Артемьев, перешел в «Динамо», полагалось бы — по авторитету — принять капитанство нашему знаменитому форварду Павлу Канунникову, а он ни в какую. Следующая кандидатура моя. А мы, надо не забывать, все работали, я заведовал финансовым отделом московского представительства Нижегородского губселькредитсоюза.

Обязанность забивать голы за мной осталась. Ни тренировок, ни матчей, я, естественно, не пропускал. А как капитан я отныне должен был представительствовать в райкоме комсомола и в райисполкоме, вникать в нужды членов команды, хлопотать, чтобы их с работы отпускали на тренировки, вникать в семейные неурядицы, изыскивать способы помочь в случае материальных затруднений. А самое деликатное дело — определять состав на матч. Все мы товарищи, на поле равны, сражаемся, выигрываем и проигрываем, общие радости и огорчения. Я же — один из них — во многом влияю, кому сегодня выходить, а кому в запас. В один миг все всплывает — честолюбие, обидчивость. Что могло выручить капитана? Только справедливость.

Позже капитанские обязанности перешли ко мне в сборных Москвы и СССР. Тут еще хлестче. Все «звезды», каждый — представительная фигура и единственно, чего хотят — чести быть в составе, честь была главной наградой. Прибавьте еще, что между москвичами и ленинградцами велось ревнивое соперничество: кого больше окажется в сборной. А я составляю список и везу его утверждать в совет физкультуры.

Что и говорить, по нынешним временам — несуразное дело, чтобы на одного из игроков взваливать такую ответственность.

Должен все же заметить, что выборные капитаны были авторитетами, им повиновались, ошибается тот, кто вообразит, что при том «способе правления» царила анархия. Нет, и дисциплина была и играли от души, сил не жалея, все на ходу решая на поле, во время игры, не дожидаясь подсказок во время перерыва.

Но главное, что мне хотелось бы сказать в связи с этим

воспоминанием, заключается в том, что опыт, приобретенный на заре советского футбола, ценен и полезен мне до сегодняшнего дня. Как бы внешне ни менялся облик футбола, внутренняя его жизнь во многом остается неизменной. По-прежнему в футбол играют люди. И я знаю: чем ярче футбольная индивидуальность, тем труднее, сложнее человеческий характер. Умение повлиять на него остается вечно актуальным. Примем во внимание и то, что сложные характеры проявляются в пороховых условиях борьбы, конкуренции, неизбежных поражений, когда вырываются наружу эмоции. Капитан ли раньше, начальник команды и старший тренер сегодня одинаково должны уметь управлять отношениями, чувствами, ни на минуту не забывая, что имеют дело с живыми людьми, а не с безликими пронумерованными фигурками.

На посту начальника команды я нахожусь с конца 1954 года. Думаю, такого стажа нет больше ни у кого. Точнее будет сказать, что в большинстве команд начальники меняются еще чаще, чем тренеры, и уходят,не оставив ровно никакой о себе памяти. Словно их и не было. Говорю об этом не только с огорчением, а и с тревогой.

Так в чем же загадка моего стажа? Вопрос чрезвычайно серьезен, имеет значение для всего нашего футбола, поэтому попытаюсь на него ответить, опираясь на свой опыт.

Во-первых, да будет мне позволено сказать, что я почти досконально знаю футбол. Почти — это не дань приличию или скромности, а знак моего уважения к футбольному занятию, которое, как его ни постигай, то и дело подкидывает небывалые ситуации, конфликты, перед которыми сначала становишься в тупик, а потом, хочешь не

хочешь, ищешь выход. Так сложилась жизнь, что футбольную Волгу мне пришлось пройти от Валдая до Каспия. И не на теплоходе, а по-бурлацки, с бечевой.

Во-вторых, и тут опять приходится сказать, что так сложилась жизнь, мне смолоду довелось включиться в деятельность организаторского, административного плана и вести ее по сей день. Не знаю, может быть были у меня для нее какие-то данные, но более всего учила и закаляла сама работа. Я имел честь быть одним из создателей общества «Спартак» и одним из его руководителей, оставаясь игроком.

Иногда меня спрашивают, а не утомительна ли, не приелась ли такая, по сути дела, непрерывная, бесконечная служба? Наверное, утомительна. Но она вошла в плоть и кровь, я ее не мыслю как нагрузку, она для меня привычка — вторая натура. Футбол, начавшись с увлечения, стал даже не профессией, а чем-то большим: чуть-ли не смыслом жизни. Поэтому, наверное,

никакая организаторская, хозяйственная работа мне никогда не в тягость. Наоборот, она позволяет считать себя человеком небесполезным.

И, наконец, в-третьих, выручает меня как начальника команды то, что я в молодые годы окончил коммерческое училище братьев Мансфельд и по образованию финансист.

У нас, неизвестно почему, не принято касаться финансовых вопросов. Их обходят, чуть ли не стыдятся. А они между тем с большой достоверностью отражают игру команд и то, как с командами работают. Разве не приятно, что «Спартак» не только покрывает все расходы, но и перечисляет на свой накопительный фонд ежегодно по 200—250 тысяч рублей? Благодаря этому мы не только оплачиваем свои нужды, но и оказываем поддержку хоккейной команде своего общества и команде второй лиги «Красная Пресня». Удается это потому, что на «Спартак» ходят.

Не собираюсь выставлять заслуги нашего клуба. Напротив, убежден, что спартаковцы могли, даже должны были, в большей мере оправдать надежды своих болельщиков: мы не сумели после чемпионата 1979 года ни разу выиграть золотые медали, хотя нам это было по плечу. Но все же начиная с 1977 года, когда «Спартак» оказался в первой лиге (к этой истории я еще вернусь) и до нынешнего года клуб наш, как правило, имеет что предложить зрителям. Так что финансовая статья, как видите, не сама по себе, не нейтральна. Куда как приятнее считать прибыли, чем изловчаться покрывать недостачи.

Эти три условия мне представляются обязательными для человека, занимающего должность начальника команды. Скорее всего люди не задерживаются на этой должности по той причине, что не отвечают какому-либо из условий. Больше чем уверен, что подходящие люди существуют. Их просто не ищут. А не ищут только потому, что не считают такими уж необходимыми.

КОМУ РУКОВОДИТЬ ФУТБОЛОМ?

Вот я и добрался до вопроса, который считаю принципиальным. Мы, кажется, уже перестали удивляться увольнениям тренеров. Начала команда проигрывать, и слышишь гадания: снимут ли тренера, когда, кто займет его место? Снимают. Но что с него взять — горсть волос? Пришел и ушел. Более всего тут удивительно, что еще вчера человек этот целиком и полностью всем распоряжался, а сегодня, как ни в чем не бывало, отбыл восвояси. И все надо заводить сначала.

Считаю опасным заблуждением, что старшим тренерам вменено в обязанность единоличное руководство всей жизнью команды. То, что они всецело отвечают за тренировочные занятия, распорядок дня и сезона, за игру,— это вне сомнений. Но когда старший тренер занимается решительно всем — воспитательной работой, хозяйством, финансами, транспортом, связями с «внешним миром», нуждами игроков — это ненормально. Я уже упоминал, что несуразно было играющему капитану нести на себе всю ношу руководства. Но так было шестьдесят лет назад. Нынче времена иные, а положение в командах отдает старинкой. Не в том беда, что внимание тренера рассеивается. Беда в том, что такой метод руководства выливается в оголтелое диктаторство.

Не так давно футбольный мир был оповещен о крахе тренера «Пахтакора» И. Секеча. И как жестоко это отразилось на судьбе команды, которая и в первой лиге не может прийти в себя! А что пережили молодые люди — игроки?! Нисколько не сомневаюсь, что нарыв зрел долгое время, но не нашлось никого, кто бы осмелился своевременно проконтролировать обстановку в «Пахтакоре». Как подступишься, когда тренеру отданы все права?

А почему отданы? Да потому, что никто не хочет брать на себя ответственность. В случае чего можно снять тренера. Ему — права, но он же и козел отпущения. Просто и удобно.

Мне легко предположить, что у нас гораздо реже снимали бы тренеров, если бы они не ведали всеми делами в одиночку. Людям свойственно входить в роль, если она им льстит. «Я все решаю, не нужны мне ничьи советы и предостережения, помощники лучше чтобы были бессловесными, если какие-то запреты стоят на пути, ничего, переступим, простят после победы, игроки чтобы и пикнуть не смели, их дело — выполнять установки, а если у кого-то свое мнение— пусть посидит в запасе, подумает!».

Потом команда входит в полосу неудач, начинается

разбирательство, и в один прекрасный день самовластное диктаторство старшего тренера со всеми ошибками, обидами, сварами, нарушениями порядка, подорванными отношениями всплывает на поверхность, и следует решение о «несоответствии». А если бы тот же самый тренер имел точно очерченный круг обязанностей, если бы рядом были люди, способные дать дельный совет, предостеречь, поправить, а иногда и одернуть, конфликт бы, глядишь, и не грянул.

Что наиболее сомнительно, так это то, что тренеру всецело доверено формировать человеческие отношения в футбольном, очень непростом, коллективе. Допускаю, что иной специалист в технических вопросах способен проявить себя и умелым воспитателем. Но ведь не обязательно такое идеальное сочетание! Если же его нет (а это нередко), то в команде рано или поздно возникают разные странности и нелады, в конечном счете отражающиеся на игре и турнирном положении. Чувствуя себя вершителем всех судеб, тренер легко может стать несправедливым, полезному игроку откажет в доверии из-за его острого языка, предпочтет ему безропотного или подхалима, даже играющего похуже. Или может создать обстановку страха и подавленности, которая, как я многократно убеждался, к интересной игре не стимулирует.

Футболисты не станут объясняться в любви тренеру, но если в глубине души они его любят, то пойдут за ним, за его идеями до конца. Тренер же, неспособный предложить ничего, кроме попреков, угроз и уничижительных высмеиваний, пусть он и знает свой предмет, команду по-настоящему не объединит, крупных успехов ему, по-моему, не видать. Футболисту не только приятно, но и необходимо чувствовать, что он не фишка на учебном макете, а человек, влияющий на положение дел в команде, отвечающий за них, уверенный, что его мнение по крайней мере выслушают. А он изо дня в день сталкивается с тем, что ему не доверяют, прилюдно, при товарищах, разносят в пух и прах. Воображая себя единственным, от кого зависит каждая малость, такой тренер впадает в подозрительность, мнительность, и ему со временем становится не на кого опереться: все привыкли его слушать, а ему уже нечего сказать, он безнадежно повторяется.

Могут сложиться и другие разновидности отношений, скажем, дельному специалисту, но мягкохарактерному, игроки сядут на шею, а поддержать его некому, он один должен выходить из трудных положений, а не умеет, и все в команде идет шиворот-навыворот. Приходилось слышать, что нас со старшим тренером «Спартака» Константином Ивановичем Бесковым считают едва ли не идеальной парой. Да, десять лет мы работаем вместе, срок для

футбола чуть ли не рекордный. Но ошибется тот, кто наше долгое сотрудничество вообразит безоблачным. Достаточно сказать, что бывали случаи, когда мы с ним почти по месяцу не разговаривали.

Тренерское дарование Бескова не подлежит сомнению. Не помню, чтобы я хоть слово обронил по поводу его методов тренировки, выбора тактических построений. Я не считаю себя особенным знатоком в этих делах, а если бы и считал, все равно полагал бы нетактичным вмешиваться. И в определение состава на матч детально не вникаю, свое мнение высказываю лишь в том случае, если у Бескова возникнут сомнения. В этом смысле его диктат мне представляется естественным.

А вот по поводу отношений руководства команды с игроками, бывает, мы расходимся. Быть может, я человек другого воспитания и обо мне могут отозваться как о несовременном, но я привык видеть в игроке личность, требующую внимания и уважения. С давних времен и до сих пор я стремлюсь втянуть каждого спартаковца в общую жизнь команды.

Охотно допускаю, что тренеры бывают часто правы в своих требованиях. Но надо щадить и самолюбие игрока, важна и форма, в которой делается замечание. Так уж повелось, что начальникам команд то и дело приходится быть чем-то вроде мягкой прокладки между тренером и игроками. Когда удается, когда нет. А лучше бы вовсе не было у них этой «ватной» миссии...

В истории советского футбола зафиксирован факт, о котором до сих пор иногда вспоминают: в 1938 и 1939 годах «Спартак» завоевывал и звание чемпиона и Кубок. Это один из рекордов, который не удалось повторить ни московскому, ни киевскому «Динамо». Да, люди тогда подобрались у нас подходящие для подобных подвигов: характеры, воители! Перебираю мысленно тот состав и разве что двоих мог бы, да и то условно, назвать слабохарактерными. Тогда приходилось некоторых одергивать: «Побереги темперамент для следующего матча!» К слову, пробегая сегодняшний состав «Спартака», вижу, что по боевитости (не по игровому умению, это едва ли возможно сравнивать) для той команды подошли бы разве что четверо.

Одним из определяющих условий того успеха я считаю исключительно удачное коллегиальное руководство. Был у нас тренерский совет, куда входили старший тренер, в 1938 году — Константин Квашнин, в 1939 — Петр Попов, начальник команды, наш ветеран, в прошлом вратарь, Иван Филиппов, капитан Андрей Старостин и Петр Исаков, один из тренеров клуба, игрок сборной СССР, имевший прозвище^ «профессор», наделенный

необычайной футбольной интуицией. Председателем совета был автор этих строк. Мы были дружны, обсуждали возникавшие вопросы, в том числе и конфликты, легко и просто, понимали друг друга с полуслова, да и как не понимать, когда были сродни и футболу и клубу. Старшие тренеры жили как за каменной стеной, они обязаны были готовить игроков технически, тактически, физически, а за моральное состояние команды и за конечный результат отвечал тренерский совет.

Если тренерский диктат в клубной команде имеет местное значение, то диктат тренера сборной страны — общее. В данном случае фамилии не имеют значения: каждый тренер, приходящий в сборную, чуть ли не в ультимативной форме предъявляет свои требования. Требования эти состоят в том, что годовое расписание всего нашего футбола должно быть приспособлено к нуждам сборной.

Насколько мне известно, нигде такого положения нет, только у нас. Руководители федераций других стран неукоснительно соблюдают прежде всего календарь своих чемпионатов, он основа футбольной жизни, а сборная получает дни для подготовки и выступлений с таким расчетом, чтобы не исказилась ритмичность чемпионата страны.

Утверждают, что в других странах порядок этот чуть ли не вынужденный, что продиктован он тем, что профессиональные клубы — коммерческие предприятия, любят считать деньги и до интересов сборной им дела нет. Мне этот аргумент кажется невразумительным. Почему мы позволяем себе не считать деньги? Только потому, что на Западе они идут в частные руки, а у нас они государственные? А если государственные, то, значит, разрешено ими пренебрегать?

На матчи «Спартака» в среднем ходит по 30 тысяч зрителей. Из-за несовершенства календаря ранней весной и глубокой осенью шесть матчей мы бывали вынуждены проводить в зале, где может уместиться 3 тысячи человек. Нетрудно прикинуть, что мы лишаемся 162 тысяч зрителей, приобретающих билеты, а они, в свою очередь, лишаются возможности сходить на футбол. С одной стороны, очевидные убытки, с другой — пренебрежение интересами любителей футбола.

Никогда не верил, не верю и сейчас, в необходимость долгих совместных тренировок сборной команды. Если тренеры имеют ясное представление о составе, о цели и характере предстоящей игры, если они ведут постоянное наблюдение за своими кандидатами, выступающими в чемпионате страны, то зачем собирать вместе на десять дней по двадцать с лишним футболистов, причем половина так и уедет домой, несолоно

хлебавши? Нам объясняют, что игроки должны «притереться» друг к другу, почувствовать себя коллективом, «сыграться». Думаю, что это чисто формальный метод работы, а можно выразиться и прямее — перестраховочный.

В сборной по логике вещей оказываются лучшие мастера, которые не раз выступали вместе, знают друг друга и по-человечески и по-футбольному. Им может стать трудно только в том случае, если тренеры нежданно-негаданно перемудрят с составом, с установкой на матч или пренебрегут индивидуальным подходом в тренировочных занятиях. Но это уже вопрос тренерской компетенции, и от него тем более не должен зависеть принцип составления календаря на весь год.

Прекрасно знаю, испытал это в свое время сам, какая честь выступать в сборной страны. Должен заметить, что честь эта приобретается не навсегда, ей нужно соответствовать. В наши дни определить готовность игроков много легче, чем в прошлом: клубные тренеры, тренерский совет, врачи, обследования. А мы и в далекие годы не ошибались, точно знали, кто каков сегодня, отбирали действительно лучших, а не по именам, свято хранили честь игрока сборной, перешагивали через амбиции знаменитостей. Поэтому мне тем более странно, когда собирают в разгар сезона большую группу действующих мастеров и принимаются глубокомысленно изучать, кто годен, а кто не годен. Сейчас не вприглядку, как раньше, не по наитию, а совершенно точно — по анализам, тестам, по записям игровой деятельности известно состояние любого игрока. Что же бесконечно проверять?! На что тратится дорогое время?

Ошибки и недочеты страшнее всего тем, что к ним привыкают, с ними смиряются. А у некоторых товарищей появляется желание выдать их за неминуемые, присвоив им наименование — характерных особенностей. Мало того, их еще пытаются выдать за достоинства. Постоянно корректируя годовое расписание «под сборную», хвастаются, что нигде в мире так не могут сделать, а мы, видите ли, можем. Мне не раз приходилось слышать программные заявлений такого примерно содержания: «Во всех видах спорта все турниры устраиваются в интересах сборных, так же надо и в футболе». Не стану судить о других видах спорта, но знаю, что футболу с его десятимесячным расписанием, с его обязанностями перед многомиллионными зрителями полагается существовать не по образцу фехтования или гребли, а в своих, разумных, обоснованных, способствующих развитию условиях.

И давайте же говорить прямо: привилегированное положение сборной годами ни к чему не вело, тогда как сборные Италии,

Франции, ФРГ имели крупные достижения, несмотря на то, что календари чемпионатов этих стран, как и большинства других, учитывают прежде всего интересы клубов. Мне думается, что как раз на крепких клубных корнях произрастают сильные сборные. А мы, оставляя в пренебрежении корни, надеемся поживиться плодами. Замечу как бы в скобках, что в ряде первоклассных сборных с полным успехом выступают «звезды», играющие в клубах других стран и прибывающие домой на день-другой. Меня это не удивляет: они отлично подготовлены в своих клубах, и им не составляет труда без дополнительных тренировок выступать за сборную своей страны.

Что нужно клубной команде, играющей с 1 марта по конец ноября? Ей нужен ритм. Прошу прощения за скучную материю, но чувствую себя обязанным быть доказательным. Итак, с перерывом по 8 дней у «Спартака» в 1985 году было 3 матча, по 9 — 2, по 10 — 4, по 11 — 12 — 2, по 14 — 3 и в 27 дней — один. Кроме того, 5 матчей — через два дня на третий. 13 матчей прошло, можно считать, в удовлетворительные сроки — на четвертый день. А большую часть чемпионата мы провели вне ритма. Для того чтобы команда находилась в рабочем состоянии, нам пришлось организовать более десятка побочных товарищеских встреч.

Совсем удивительно, что с 13 июля по 10 августа мы вообще не участвовали в чемпионате, тогда как это время всегда у нас считается разгаром посещаемости, наиболее удобным для зрителей. А нам объясняли: «Это чтобы игроки сборной получили передышку». Нашли время!

Я привел данные по « Спартаку », но представитель любой команды высшей лиги способен выставить аналогичные претензии. В Москве еще полбеды, здесь пять команд и нет ощущения, что футбол «прикрыт». А в других городах?! Людям нетрудно потерять привычку посещать стадион, если они по месяцам не видят афиш о матчах.

Пожалуй, еще хуже календарь 1986 года.

Я не обвиняю составителей календаря. Им приходится выкручиваться, идти на заведомо негодные варианты. Но, помилуйте, мы так хвастаемся научной обоснованностью чуть ли не каждого шага игрока на тренировке и в игре, а где же серьезные обоснования нашего турнирного режима, можно сказать, основы футбольной жизни?

С 1986 года высшая лига сокращена с 18 команд до 16. Это опять шаг навстречу нуждам сборной. До 1979 года было уже 16, мы и оглянуться не успели, как стало 18, и никто нам не объяснил, исходя из каких «научных рекомендаций» это было сделано. Когда в довоенных, первых наших чемпионатах

пробовали различное число команд, это простительно: мы еще не знали как следует самих себя. Но теперь, спустя полвека, изменения формулы воспринимаются с грустным недоумением как знак того, что порядка в нашем футбольном доме все нет как нет.

Лично я не сторонник сокращения. Мне кажется, что футбол в нашей стране способен на многие приятные неожиданности. Тому доказательство выдвижение вплоть до чемпионского уровня команд Минска и Днепропетровска. Этим сюрпризам удивляться не приходится, они отражают повсеместно крепнущее умение создавать хорошие команды. Если же это делается силами собственных воспитанников, то и вовсе прекрасно!

Я издавна поставил себе за правило внимательнейшим образом знакомиться с документами Управления и Федерации футбола, с каждым их решением. Сказал бы так: все тонет в текущих делах, а кардинальные вопросы годами остаются без движения.

Подходит срок участия в розыгрыше европейских кубков. И руководителей команд «заслушивают», как они готовятся. Извините за резкость, но это же чистейшая «липа». Какая может быть особая подготовка, если для нее просто нет времени? В 1985 году с бельгийским «Брюгге», например, «Спартак» играл после труднейшего матча с киевским «Динамо». А с киевлянами мы встречались на третий день после матча сборных СССР — Ирландия. Тренер съездит посмотреть игру противника, даст указания игрокам в зависимости от увиденного — вот и все, что можно реально сделать. «Заслушивать» бы полагалось, почему возможен такой беспощадный график.

НАШЕ ЧИСЛО ОДИННАДЦАТЬ

Вступаю на следующее минное поле. Отдаю себе полный отчет в том, что окажусь уязвимым. Но обойти эту тему в серьезном разговоре — значит ничего не сказать. Тема эта — комплектование команд. Уязвимым я себя чувствую с двух сторон. Тема сама по себе спорная, копий вокруг нее сломаны горы, в истории футбола накопилась уйма случаев и примеров, которыми можно оперировать в доказательство любой точки зрения. И, кроме того,, бывало, я сам поступал вразрез с тем убеждением, к которому с годами пришел и которое намерен здесь высказать. Если кто-то попрекнет меня «А вот вы сами тогда-то!» и обвинит в непоследовательности или, того чище, в неискренности, в ответ я готов поднять обе руки и сказать: «Да, грехи числятся и за «Спартаком». (Я уже предупреждал в самом начале, что не намерен поучать, а хочу вынести на общий суд то, что наболело.) Вообще же, думаю, не сыскать в нашей среде безупречных людей из тех, кто прикладывал руку к комплектованию команд. Но взаимными попреками мы можем еще больше замутить воду.

Тренеры любят сетовать на «короткую скамейку», на то, что игроков не хватает. Если игроки собраны как попало, то можно набить ими троллейбус, и все равно далеко не уедешь, все равно скамейка покажется короткой. Я вспоминаю «Спартак» в годы его наивысших успехов (1938—1939, 1956—1958, 1962—1963, 1969—1970, 1979) и вижу прежде всего одиннадцать полноценных мастеров, основной состав. Вместе с ними находились еще по три-четыре игрока, приходивших, когда было нужно, на помощь. Точно так же обстояло дело в динамовских командах Москвы, Киева, Минска, Тбилиси, в ЦДКА. В футбольном мастерстве количество в качество не переходит, наше число — одиннадцать, его мы и должны искать постоянно.

Комплектование команды — искусство. Иногда его выдают за счастливое совпадение, за выигрыш в лотерее. Но так кажется тем, кто наблюдает со стороны и судит о готовом. Фактически же мы, работающие с командами, непрерывно занимаемся комплектованием. Или — доукомплектованием. А есть еще и всем известная «смена поколений». Так что я не помню дня, когда бы на его повестке не стояло вопроса о той или иной кандидатуре, о том, что пора кому-то готовить замену или подыскать на то или иное место игрока получше.

Многое сделано для того, чтобы каждая команда мастеров имела возможность искать, учить и готовить смену, не выходя за

пределы своих владений. Есть и у нас своя, спартаковская, школа, рассчитанная на 420 ребят, с директором, завучем, 13 тренерами, администратором. Сказать, что она работает впустую, нет оснований. Г. Морозов, Е. Сидоров, С. Родионов, Ф. Черенков, С. Новиков, М. Русяев — воспитанники «Спартака». Прибавьте к ним нынешних московских динамовцев А. Прудникова, Б. Позднякова, армейцев В. Самохина и Д. Галямина, В. Мурашкинцева из «Факела», прибавьте бывших спартаковцев, находящихся в командах первой и второй лиги, и получится, что эффективность не такая уж низкая.

Однако не могу похвалиться (а как бы хотелось!), что школа постоянно у меня в поле зрения. Из газет я узнал, что в юношескую сборную страны взят 17-летний спартаковец Шалимов. Ни Бесков, ни я, к великому своему стыду, этого юношу не знали. (Сейчас он стал появляться у нас в основном составе.) Можно бы сослаться на занятость, нехватку времени, разъезды, как это обычно делают руководители команд, едва речь заходит о школах. Но истинное несчастье в том, что по большей части все мы сориентированы на поиски игроков не в своих, а в чужих владениях.

Выцарапать, нахапать готовеньких игроков — удел и утешение посредственностей, а воспитать, выдвинуть, предъявить миру никому не известных — знак талантливости тренера и тех, кто его поддерживает, знак настоящей работы.

Спартаку» есть кем гордиться. Я мог бы назвать фамилии многих заслуженных мастеров спорта, восьмерых обладателей золотых олимпийских медалей, трех чемпионов Европы. По представительству в первой сборной, начиная с 1952 года, наш клуб идет вслед за киевским «Динамо». И самое приятное для меня, что большинство знатных людей «Спартак» либо вырастил с малолетства, либо открыл и помог им стать мастерами.

Знаменитый олимпийский состав 1956 года: Н. Тищенко, М. Огоньков, А. Масленкин, А. Парамонов, И. Нетто, Б. Татушин, А. Исаев, Н Симонян, С. Сальников, А. Ильин,— все они обязаны «Спартаку» не в меньшей степени, чем он им. И они это знали и знают, оставаясь преданными своему спортивному обществу.

И позже я испытывал удовлетворение, видя в форме сборной СССР Ф. Черенкова, Г. Морозова, С. Родионова, которых помню мальчишками в спартаковской форме. Радуюсь за Р. Дасаева, В. Сочнова, Е. Кузнецова, С. Новикова, С. Шавло, Г. Ярцева, В. Хидиятуллина, О. Романцева, в «Спартаке» вышедших в люди из футбольной безвестности.

В этом месте, пожалуй, уместно будет обратиться к истории о том, как «Спартак» в 1976 году потерял место в высшей лиге и как

в нее вернулся год спустя. Историю эту не обойдешь молчанием, она навсегда вошла в спартаковскую хронику. Но более важно то, что ее смысл нелишне намотать на ус всем причастным к футбольной практике.

В 1975 году, как все, должно быть, помнят, общее внимание было привлечено к киевскому «Динамо», игравшему с громким успехом, награжденному европейским Кубком кубков, Суперкубком и званием чемпиона страны. Наш «Спартак» оказался в тени, он занял всего-навсего 10-е место, для него непривычное. Но если взгляды общественности, болельщиков были обращены к Киеву, где, кстати говоря, тогда почти в полном составе формировалась сборная страны, выступившая тоже успешно, то руководители общества «Спартак» и профсоюзные организации не прошли мимо нашей неудачи.

Удивлять это не должно. Я хорошо помнил, не забываю и до сих пор, как в 1963 году мне, начальнику команды, и старшему тренеру Николаю Гуляеву были объявлены выговоры за то, что «Спартак» оказался вторым призером, а не чемпионом, как за год до этого. А надо заметить, что в том, 1963-м году «Спартак» взял еще и Кубок СССР. Тем не менее итоги сезона были расценены чуть ли не как провал. Что и говорить, читать приказ со взысканием было малоприятно (я его храню в своем архиве). Но по крайней мере мы сознавали, как высоко котируется наша команда. А тут — 10-е место, да еще после того, как в предыдущем чемпионате «Спартак» был вторым призером.

И осенью 1975 года было решено «омолодить руководство команды». Нам с Н. Гуляевым намекнули, что «пора отдохнуть». Мы, разумеется, тут же подали заявления с просьбой освободить от должности.

Руководство омолодили. Начальником команды был назначен Иван Варламов, старшим тренером Анатолий Крутиков, тренером Галимзян Хусаинов. Все спартаковцы, в прошлом хорошие футболисты. Этими соображениями и руководствовались при назначении. Не было только принято во внимание, что авторитет игрока не равен тренерскому авторитету. Случай характерный, даже заурядный, не раз бывало и в других командах, когда хорошего игрока, человека «своего» считали по одному этому признаку способным стать у штурвала. В основе таких скороспелых назначений, как мне представляется, лежит не слишком большое уважение (не в открытую, а втайне) к тренерской профессии, почему-то считается, что умение играть для тренера достаточно, а остальное — набежит, приложится.

Мне отвели должность заведующего отделом футбола в городском совете «Спартака», я ведал командами, выступающими

в чемпионате Москвы, работой детско-юношеских школ. Мастера в мой круг обязанностей не входили. Да и было известно, что А. Крутиков против моего участия в делах команды.

Не заладилось у «Спартака» и в сезоне 1976 года. Тогда разыграли два чемпионата — весенний и осенний. В весеннем «Спартак» остался на 14-м месте (при 16 участниках). Сигнал был крайне тревожный, но его пропустили мимо ушей.

Хотя дитя и криво, но матери и отцу мило. Каюсь, отвернуться от команды я был не в силах, душа болела. Мог я мало, только исподволь старался повлиять на игроков, побуждая их помнить о чести «Спартака». Не до обиды: исправно посещал все матчи, наблюдал издали за тренировками.

Более всего подводила А. Крутикова чрезмерная самоуверенность. Создавалось впечатление, что он решительно настроен произвести реорганизацию с помощью одного только топора. И началась, как обычно в таких случаях, чехарда с составом, что дается легче всего, пошли рискованные замены и перестановки без необходимых осторожности и такта. Казалось, что старший тренер, не желая никого слушать (вот он, диктат!), вознамерился одним махом преобразить, поднять «Спартак», сотворить что-то вроде,чуда, благодаря чему сразу показать себя сильной личностью, утвердиться в числе лучших тренеров страны. Во всем был привкус «культа», «Спартак» сделался как бы ставкой азартного, слепо верящего в удачу человека. И ставка эта была бита. Под конец осеннего чемпионата только и было разговоров: «Уцелеет «Спартак» в высшей лиге или вылетит?» Да и как не поговорить, случай-то небывалый. Это потом гораздо спокойнее отнеслись к путешествию в первую лигу другого именитого клуба — ЦСКА, можно сказать, по проторенной дорожке, после нас. А тогда многими это воспринималось как потрясение основ. В последних турах, как в шахматной партии, «комментаторы» обнаружили 14(!) вариантов спасения. Принимались в расчет результаты не одного «Спартака», а и ряда матчей других команд. Напомню, что «Спартак» в итоге набрал 13 очков и остался предпоследним, тогда как у пяти команд было по 14 очков. Немудрено, что все висело на волоске. Но «сыгран» был 15-й вариант, при котором все наши туманные шансы испарились. Как нарочно! Не имею права утверждать, но исход нескольких матчей казался мне тогда нарочитым, словно кому-то из озорства хотелось узнать, а что будет, если «Спартак» — сам «Спартак»! — потеряет место. Не скрою, тут же нашлись болельщики, которые пытались ходатайствовать, чтобы «Спартака» сохранили в высшей лиге с помощью реконструкции чемпионата, благо аналогичные ситуации в прошлом возникали.

Например, в 1967 году последним остался «Зенит», но был оставлен, и ради этого высшую лигу расширили с 19 до 20 команд. Я был среди тех, кто эти попытки не поощрял: доброе имя послаблениями и милостями не поддержишь, ронять достоинство не хотелось.

Страсти страстями, а работа работой. Кому быть тренером? Есть хирурги, которые берутся за операцию, от которой отказались другие. «Спартаку» в тот момент нужен был именно такой человек. Не скажу, чтобы команда была погорелым местом, но капитальная перестройка была необходима.

Мой брат, Андрей Петрович, назвал Константина Ивановича Бескова. А Бесков как раз находился не у дел, в опале, как и я, сидел в служебном кабинете, за письменным столом и ведал футболом в обществе «Динамо». Он согласился. И попросил, чтобы на должность начальника команды вернули меня. Ну а мне во всем, что касается интересов «Спартака», раздумывать и выбирать не приходится.

О нас говорили: «Два медведя в одной берлоге»,— предрекая несовместимость. Верно, поначалу мы поглядывали друг на друга выжидательно. А надо учесть, что незадолго до этого, когда мы с Бесковым работали в олимпийской сборной, у нас нет-нет да и случались шероховатости.

Кое у кого размолвки сидят в памяти, как занозы, но Бесков, придя в «Спартак», на прежнем поставил крест, и я в этом увидел его тренерский профессионализм: работа, которая нам предстояла, требовала полного единодушия.

Мне приходилось работать рука об руку со многими тренерами, я имею возможность сравнивать. Очень скоро стало ясно, что Бесков необычайно точно соответствует той роли, которую ему предстояло сыграть в полуразрушенном «Спартаке».

Он из тех тренеров, которые знают, чего хотят, и неуклонно, упорно идут к намеченному. Цель — вернуть «Спартак» в высшую лигу для него была проходной, попутной, само собой разумеющейся. На его месте другой тренер, весьма вероятно, планировал бы только возвращение, и неизвестно, решил ли бы эту ограниченную задачу. Бесков с самого начала задумал создать команду,-которая смогла бы выйти на первые роли. У него есть своя шкала требований к игроку, я бы сказал, к «игроку его мечты». И к командной игре тоже. Его любимое выражение — «Этого требует футбол завтрашнего дня». Иными словами, он работает с перспективой. И наконец, Бесков имеет вкус к занятиям с молодыми, веру в них.

«Спартаку», естественно, требовались новые игроки. Где их взять? «Перехватить» кое-кого из известных? Это был

принципиально важный вопрос. Думаю, если бы мы смалодушничали и принялись гоняться за именами, того «Спартака», каким он стал года два спустя, нам бы не создать.

Георгия Ярцева, форварда, быстрого и поворотливого, Бесков приметил в команде города Костромы во время январского турнира в нашем манеже. Было ему 29 лет, но нас это не смутило, бомбардир был необходим.

Вратаря Рината Дасаева из спартаковской команды второй лиги Астрахани нам рекомендовал тренер Федор Новиков, помощник Бескова. Полузащитника Сергея Шавло Бесков приглядел весной в Сочи в «Даугаве». Оказалось, что им там не очень довольны, определили центрфорвардом, а он забивал не часто. Тренеры «Даугавы» любезно разрешили мне переговорить с Шавло и дали согласие на его уход. Юрия Гаврилова Бесков знал как динамовец динамовца. Места этому прирожденному диспетчеру в основном составе не находилось, и руководители «Динамо» по нашему ходатайству разрешили Гаврилову переход к нам.

Были у нас в «дубле» восемнадцати летние Вагиз Хидиятуллин и Валерий Глушаков. Вернули уехавшего было обратно в Красноярск защитника Олега Романцева. Это сегодня их фамилии, что называется звучат. А тогда я слышал со всех сторон: «Неужели вы надеетесь с «этими» вернуться?»

Мне особенно хотелось бы подчеркнуть, что в возвращении уже в 1978 году « Спартака» в высшую лигу и в том, что в 1979 году он стал чемпионом страны, нет и намека на ворожбу, на необычайное везение. Кудесниками мы не были, добросовестно и напряженно трудились в меру своих знаний и умения. «Спартак», бывало, поколачивали и в первой лиге, а в год возвращения в высшую весь первый круг он тащился еле-еле, среди замыкающих, и только во втором круге разыгрался, привлек сердца аудитории и занял неплохое место — пятое.

Год в первой лире я вспоминаю с удовольствием. Наша команда росла и мужала в обстановке интереснейшей турнирной борьбы. Занять первое место нам помогло, я думаю, наше преимущество в тренерском опыте. Кроме того, сказывалось, что в составе наряду с новичками находились игроки, прошедшие школу высшей лиги,— Б. Ловчев, А. Прохоров, В. Гладилин, В. Букиевский, В. Самохин, Е. Сидоров, М. Булгаков, А. Кокорев. Мы не выглядели на голову выше остальных команд лиги, но это даже к лучшему, постепенности в накоплении игрового класса я больше доверяю, чем внезапному взлету.

Знаю, попадаются «знатоки», которые с таинственным видом уверяют: «Спартак» в высшую лигу тащили за уши!» Мне всегда

хочется спросить: «Кто тащил?» Впрочем, я знаю, что ответа не получу, поскольку его не существует. Некому нас было тащить, некому было за нас забивать голы. А мы их забили порядочно. Единственно, о чем мы просили судейскую коллегию,— это назначать на матчи «Спартака» на выезде наиболее квалифицированных арбитров, не хотелось ставить сложную работу, которую мы вели с молодой командой, в зависимость от судейских ошибок. Главное же возражение «знатокам» привела сама команда, занявшая в высшей лиге вскоре после возвращения одно из ведущих мест. И надолго. С теми, кого «тащат», такое не получается.

Многие авторы, и специалисты и журналисты, писали, что «Спартак» вернулся из первой лиги в высшую не просто окрепшим и омоложенным, но и с новыми тактическими идеями, свежо прозвучавшими в тот момент, когда в нашем футболе образовался застой. Я уже предупреждал, что в проблемах такого рода к тонким экспертам себя не причисляю. Ко, как ответственный за работу с людьми, обязан засвидетельствовать, что комплектование команды было проведено в основном верно. Молодые, безвестные игроки рвались себя зарекомендовать, раскрыть свои способности, приглашенных «звезд» и сопутствующих им душевных недугов в нас не было. Вскоре на той же закваске подросли и влились в команду Родионов, Черенков, Морозов, Поздняков, Сочнов, Новиков, Е. Кузнецов.

Совершали мы и ошибки, приглашали некоторых без должной проверки, а потом наступала разлука без печали. Ошибок такого сорта, конечно, должно быть поменьше, хотя свести их к нулю вряд ли возможно в команде мастеров да еще желающей состоять в лидерах.

Были ли обижены нами команды высшей лиги? За девять сезонов — два перехода, имевшие резонанс: С. Швецова из «Зенита» и затем А. Бубнова из московского «Динамо».

О Бубнове скажу, что он в лучшем смысле слова фанатик футбола, будь таких побольше, мы продвинулись бы далеко вперед. К примеру, он нередко остается на базе в Тарасовке и не едет домой ради того, чтобы потренироваться вместе с группой молодых, проживающих там в общежитии.

И вот у этого целеустремленного, стойкого, упорного человека накопились размолвки в отношениях с отдельными руководителями команды московского «Динамо» да вдобавок еще и с рядом игроков. И он решил уйти. Решил настолько твердо, что не поддавался никаким уговорам. Он хотел играть в обстановке, где ему бы ничто не мешало. И подал заявление о переходе в «Спартак», как я понимаю, единственно по той причине, что

верил в К. Бескова как в тренера. Бубнов пропустил два сезона, пошел на немалые жертвы, лишь бы настоять на своем. В конце концов после многократных разбирательств разрешение на переход ему было дано.

В этом случае я не усматриваю какой-либо вины со стороны «Спартака». Решающее значение имело волеизъявление игрока, он с таким же успехом мог пойти в «Торпедо» или ЦСКА, но сам выбрал «Спартак». Мы его не «сманивали», да и не такой он человек, чтобы жить чужим умом.

Думаю, что этот переход и по-человечески и по-спортивном у был достаточно мотивированным, и жаль, что он чересчур затянулся, перерос в столкновение амбиций. Уверен, если бы кто-то из спартаковцев проявил такое же нежелание оставаться, мы бы ему не мешали. Готов подтвердить это примером. Наш воспитанник, хороший защитник Б. Поздняков, уже привлекавшийся в сборную, решил уйти из «Спартака». Делать нечего, пришлось согласиться, и он без осложнений получил право на переход в московское «Динамо».

Случай со Швецовым едва ли я смогу объяснить удовлетворительно. Но я предупреждал, что практика переходов настолько несовершенна, что иной раз разрешает или вынуждает отклоняться от принципов ради спортивных выгод. Прятать голову под крыло, подобно страусу, я не намерен, расскажу все как было, тем более что у этого случая есть назидательный смысл. Итак, тренеру К. Бескову юный форвард Швецов приглянулся, когда тот играл в дублирующем составе кутаисского «Торпедо»,— высокий, стройный, с мягкой техникой. Но Швецов неожиданно перешел в «Зенит». Бесков продолжал в воображении видеть его центрфорвардом «Спартака», считая, что он сумеет придать нашим атакам результативность.

Короче говоря, были предприняты усилия добиться согласия Швецова. Парень внял уговорам и был перевезен в Москву. «Зенит» тогда еще не взял чемпионского курса, а перспектива играть в «Спартаке» для молодого форварда выглядела заманчивой. Разразился конфликт, в ленинградских газетах появились фельетоны. Определенные основания для них существовали, далеко не все требования инструкции о переходах были соблюдены. Как бы то ни было, Швецов остался в «Спартаке».

В чем же назидательный смысл? Прежде всего в том, что мы поступили согласно расхожему выражению—«Сначала возьмем, а там разберемся». В этот, с позволения сказать, афоризм я не верю, всегда считал, что надо семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Но меня убеждали, что так поступают все, говорили даже, что «с

волками жить — по-волчьи выть». Скоропалительная акция, как вскоре выяснилось, ожидаемого эффекта не дала. Оказалось, что при всех технических достоинствах Швецов не наделен тем характером, который требуется острому форварду.

Этот случай еще более укрепил меня в убеждении, что игрока надо привлекать и в соответствии с существующими правилами и после взыскательного знакомства, а не как кота в мешке. Но для этого должен быть разработан в инструкции особый пункт о стажерстве, гласящий, что команды, участвующие в розыгрышах европейских кубков, имеют право на дополнительное приглашение игроков с испытательным сроком. Это и практически обосновано и позволило бы не допускать ошибок. Футболистов, по разным причинам не нашедших себя в новых коллективах, как, например, это случилось у нас с Грачевым из «Шахтера», можно было бы возвращать в прежние команды.

Я не разделяю распространенной точки зрения, что советскому футболу необходимы суперклубы для успешных выступлений в розыгрыше европейских кубков с огульным правом брать любых игроков, даже из команд высшей лиги. Это нанесло бы непоправимый вред командам, которые потеряли бы своих лучших игроков.

Кроме того, в последние годы мы убедились, что понятие «ведущая команда» перестало быть постоянным, как было когда-то. В свое время никто и не думал посягать на главенство московского «Динамо», ЦДКА, «Спартака», тбилисского «Динамо». Однако потом выдвинулись «Торпедо», киевское «Динамо». Стали говорить о «большой шестерке», ее только и признавали.

Но затем годы безвременья пережил «Спартак», на грани между высшей и первой лигами балансировали московское «Динамо» и ЦСКА, никак не соберется с силами занять призовое место «Торпедо» в расстройстве тбилисское «Динамо», даже наиболее внушительное и прочное киевское «Динамо» два сезона подряд обреталось в скромной серединке.

Свято место пусто не бывает, выдвинулись, и с достаточными основаниями, минское «Динамо» и «Днепр».

Приятно, что ленинградский футбол, к которому исстари отношусь как к самому близкому, после московского, встал на собственные ноги и выдвигает одного за другим местных способных молодых мастеров.

Решительно не согласен с теми, кто полагает, что если чемпион не из «большой шестерки», то это означает, что наш футбол «докатился». Надо только радоваться, что тесный кружок «избранных» разомкнут, что, как принято говорить, география большого футбола расширяется.

Эту прогрессивную тенденцию, мне кажется, не все еще осмыслили и признали. И проявляется это особенно наглядно именно при комплектовании команд. (Как видите, от темы я не ушел.) В пору моей юности говорили о судебном процессе— «громкий». А сейчас, кажется, нет ничего громче, чем иные дела о переходе футболиста из одной команды в другую.

Внешнее приличие соблюдается, президиум федерации утверждает переходы, которые предварительно рассматривает спортивно-техническая комиссия (СТК). Надзор словно бы существует, в помощь придана и инструкция. Правда, инструкция о переходах удивительно часто претерпевает изменения, бывало, что несколько раз в год, так что и не уследишь. Да и в ходе сезона, после утверждения составов, вдруг с изумлением обнаруживаешь в той или другой команде игрока, которого там прежде не было, и про себя решаешь, что, вероятно, прозвучал «звонок», после которого состоялась «дозаявка». Уж по крайней мере оповещали бы нас в газетной хронике с указанием мотивов.

Меня тревожит и задевает другое. Переходы игроков происходили, насколько я помню, всегда. Было время, когда они носили добропорядочный характер, все необходимые переговоры шли в открытую, превыше всего ценилось желание переходившего, его согласие. В конце концов меняют же место работы по уважительным причинам люди любых профессий?! Почему у футболиста не могут сложиться обстоятельства, требующие перехода в другую команду? Жизнь есть жизнь, футбол ее частица.

Теперь же появились «селекция» (не люблю это слово в применении к футболу) и специальные тренеры-селекционеры. Втихомолку, за спиной руководителей команд, втайне от общественности (а втайне потому, что селекционеры прекрасно знают, что вершат неправедные дела), едва где-то объявится мало-мальски способный парень (иногда по слухам, не убедившись воочию), начинается охота. Посулы не шуточные: квартиры, машины, поступление в институт, поездки за рубеж, продвижение в сборную. Чем все это оборачивается? Такого сорта селекция хищнически разваливает футбол на периферии, отбивает вкус к работе в специализированных школах.

Что этому можно противопоставить? Инструкции, слушания в СТК и на президиуме федерации помогают лишь отчасти.

Стало привычным обыкновением — легким и безобидным — наказывать молодых людей, футболистов, польстившихся на посулы. Те же, кто мутит воду, остаются неназванными. Не спорю, молодой человек, сбежавший втихомолку из своей команды, обманувший всех, кого только можно, должен быть призван к

ответу. Но ведь ни для кого не секрет, что ему заморочили голову, пообещали в случае чего выручить, внушили, что как законы, так и требования порядочности можно обойти. И существует целый штат такого сорта дельцов, ведущих, по сути дела, подрывную работу в нашем футболе. Бывает, игрок просто и честно выразит желание перейти в другую команду. Что за этим следует? Автоматически на него составляется «телега», читая которую диву даешься, как же такого распущенного человека держали в коллективе? И большей частью обвинения подтасованные.

Я думаю, что нам необходимо ввести в правило объективный, тщательный и обязательно гласный разбор наиболее спорных ситуаций, такой разбор, который бы устанавливал истину и всех виновных. Почему бы к таким разборам не привлечь юристов, которые дали бы профессиональную, компетентную оценку происшедшему? Когда-то нам было достаточно судить по спортивной совести. Сейчас для установления порядка в футбольном сообществе мало ориентироваться на инструкции, которые мы же сами пишем, необходимо привлечь и государственную законность. Мне известно, что в западных профессиональных клубах многие стороны деятельности рассматриваются и обусловливаются под контролем юристов. А наш правопорядок осуществляется, как кому взбредет в голову.

Слишком на виду наш футбол, слишком внимательно следят за ним миллионы глаз, причем в основном молодежи, чтобы позволительно было принимать решения опрометчивые, расплывчатые, неубедительные, вызывающие иронические улыбки. Футбол не только закаляющая игра, не только увлекательное зрелище, он несет в себе и воспитательный заряд. И не только с поля доходит его влияние на людей, а и из сообщений или из слухов о том, как мы вершим свои дела. Слухов гуляет гораздо больше, чем следует, и это наша слабость: информируем мы свою аудиторию чересчур скупо, а то и просто отмалчиваемся. Без правдивой, смелой информации порядка не наведешь.

Однако, сказав все это, я не забываю, что команды должны постоянно пополняться свежими силами. И отдаю себе отчет в том, что из одного Сокольнического района Москвы, где расположены наша историческая «Ширяевка» и новый крытый манеж, такая команда, как «Спартак», не может получить всех ей необходимых резервов.

И даже школа не способна полностью удовлетворить наши запросы, нужны же не просто добросовестно обученные ребята, а и с искрой божьей. Кроме того, у «Спартака» существует та

особенность, что мы ежегодно провожаем группу молодых на службу в армию.

Значит, комплектование с помощью приглашений игроков остается в нашей практике. Может быть, когда-нибудь, при идеальных условиях, нужда в нем отпадет. Но пока, думаю, на какой-то срок оно останется.

О таком сложном, важном деле лучше думать сообща. Со своей стороны еще раз подчеркну, что во главу угла должно быть поставлено открытое и честное волеизъявление футболиста.

Думаю, что приемлем был бы и обмен. Мне вспоминается такой случай. Была у «Спартака» нужда в центрфорварде. Приглянулся нам совсем тогда молодой Юрий Севидов, находившийся при отце, тренере Александре Александровиче Севидове, в минском «Динамо». Порешили мы с ним тогда так: Юрий идет к нам, а в минское «Динамо» направляется группа игроков из нашего дублирующего состава — Э. Малофеев, Л. Адамов, И. Ремин, Ю. Погальников. Не имеет значения, кто тогда выиграл, кто проиграл, дела давно минувших дней. Ю. Севидов помог «Спартаку» стать чемпионом в 1962 году, а бывшие спартаковцы, выросшие в хороших мастеров,— минскому «Динамо» стать третьим призером в 1963 году, что тогда для этой команды было огромным успехом.

ДОБРОЕ ИМЯ ФУТБОЛА

Мне предстоит выйти еще на одно минное поле.

Как-то раз заглянул ко мне домой Всеволод Михайлович Бобров. Посидели мы с ним за чаем, как водится, обсуждая футбольные дела. И в ответ на мои рассуждения о том, чем надо бы помочь футболу, он вдруг со вздохом произнес:

— Наивный вы человек. Все на честный футбол опираетесь, а теперь такое бывает!.. Не хочу и рассказывать, вас огорчать...

Ничего к этому он не прибавил, но его вздох запомнился.

Жизнь наша проста, но в глазах болельщиков она выглядит то загадочной, то романтической, то приключенческой. Я привык ко всяким россказням и небылицам и с удовольствием их выслушиваю, не удивляясь и не обижаясь, в общем-то люди делают нам честь своим вниманием и выдумками, подчас ребячески-наивными и трогательными.

Однако когда вдруг слышишь на трибунах или в метро реплику о том, что вчерашний матч, закончившийся вничью, был «договорным», становится не по себе. Пусть бы говорили что угодно, только не это. Можно стерпеть, когда рассказывают, что видели одного

мастера в подпитии (вероятность такая есть), другой в компании проклинал тренера своей команды, третий каждый год требует сменить квартиру под угрозой перехода в другую команду. Или еще что-либо в том же духе. Семья не без урода, и газетные фельетоны о художествах футбольных «звезд» не редкость.

Но слухи о договорных матчах — это тень уже не на отдельных футболистов. В глазах общественности ставится под сомнение сам футбол, его добропорядочность, его доброе имя. И это мало того, что оскорбительно, еще и крайне опасно для благополучия всего нашего дела.

Слухов на эту тему предостаточно. Правда, я склонен считать их преувеличенными, они обрастают как снежный ком. И возникают как отрыжка маниакальной подозрительности у некоторых тренеров и спортивных деятелей. Обжегшись на молоке, они дуют на воду, им мерещится то, чего иногда нет и в помине. Мне приходилось наблюдать, как игроков обвиняли сгоряча, безвинно, и после этого они лучше себя не чувствовали в команде и лучше не играли. И все же футбол наш не без греха. Да и нужны ли доказательства, когда у нас действует лимит ничьих? Напомню, что ввели его после чемпионата 1977 года («Спартак» тогда находился в первой лиге), в ходе которого чуть ли не

половина матчей закончилась вничью, и не из-за немощи, а из-за старания тренеров без хлопот и испытаний устроить полюбовно свои турнирные делишки. В том году миролюбие ловчил достигло своего предела, наш футбол попал в полосу штиля. Не случайно сборная в ту пору не могла пробиться в финальную ˆасть как чемпионата мира, так и чемпионата Европы.

Лимит ничьих я одобряю. Он, по моим наблюдениям, подействовал отрезвляюще, ограничил возможности соглашений. Могут сказать, что очки делятся между командами и по-другому: каждой — по победе на своем поле. Но это труднее, любое поражение нечто вроде «красной карточки», а ничья — «желтая карточка», она проходит незаметно, без последствий, руководителям команды общественная выволочка не грозит.

Лимит лимитом, а для решительной пользы делу, мне думается, послужило бы предметное и строгое расследование одного «договорного» происшествия со всеми вытекающими выводами и последствиями. Показательное расследование, как это сделано недавно в Чехословакии. Не хочу верить, что напасть прочно укоренилась, сильный щелчок по носу мог бы одних устрашить, а других заставить одуматься.

По моим представлениям, честность — одно из непременнейших требований в любом деле. У меня в голове не укладывается, как можно руководить командой после того, как однажды перед матчем ей скажешь: «Сегодня отдаем очко». Выбита из-под ног принципиальная платформа, ты вступил в нечестный заговор, и, что бы ни говорил после этого, слова твои пусты.

Немало огорчает меня, когда вижу, что между командами завязываются напряженные отношения. Иногда создается впечатление, что к матчу готовятся не с желанием переиграть, превзойти, а доказать что-то еще помимо футбола. Постоянное соперничество — дело суровое, от него не уйти. Скажем, «Спартак» на протяжении десятилетий числил своим главным конкурентом сначала московское «Динамо», позже — киевское «Динамо». И всегда об этом помнили и руководители, и игроки. Такова спортивная жизнь. Но мне всегда казалось, что с конкурентами у нас больше общего, похожего, чем противоположного, разного. Во всем — в распорядке жизни, в труде, в переживаниях. И нас, и их одинаково подстерегают трудные дни. Слушаешь на досуге сетования представителя другой команды, и словно бы он о твоем «Спартаке» ведет речь...

Откуда же недоброжелательность, излишняя напряженность? Могу понять, если тренерский состав и сама команда страстно желают доказать свою правоту в тактическом истолковании игры,

блеснуть техникой, самолюбиво считая себя в этом отношении выше соперника, взять реванш за прошлое поражение. Но если натянутость основывается на том, что тренеры двух команд не подают друг другу руки, на старых счетах, возникших за пределами футбольного поля, если припоминают, что надо отомстить за критическое замечание в печати, то все это омрачает жизнь нашего футбольного сообщества, и без того сложную.

Я сужу об этом вполне уверенно, на моей памяти немало случаев, когда против «Спартака» некоторые команды играли исступленно, неспортивно. Начнешь интересоваться, в чем причина, и наталкиваешься на такие ответы, что впору руками развести. «Ваш тренер нашего не уважает». «Ваши игроки носы задрали, это им не за сборную играть!» «В Лужниках судья в наши ворота липовый пенальти назначил, вот и расплачиваетесь теперь». И могу ручаться, что не футболисты злопамятны, их подогревают «воспитатели». Недавно начальник одной из иногородних команд попросил выручить автобусом. Я помог. И вдруг услышал: «Незачем было давать им автобус, вы у них очко потеряли». Откуда такое?

Одно время против «Спартака» сверхвоинственно настраивали московское «Торпедо». Даже когда мы впрямую не соперничали за место в таблице, для торпедовцев считалось делом особой чести обыграть нас. В принципе желание похвальное. Но было в нем что-то сверх меры. Недаром авторитетный знаток истории футбола Константин Есенин подметил, что после выигрыша у «Спартака» торпедовцы, как правило, начинали терпеть неудачи. В 1985 году, осенью, история повторилась. Вполне допускаю, что был перерасход нервной энергии в матче с нами. А этой энергией надо уметь разумно пользоваться.

Моральная атмосфера, окружающая футбол, я считаю, во многом зависит от его организационных основ. Между тем, и это считаю не я один, порядка у нас нет.

КОМАНДА И КЛУБ

К работе в команде мастеров я вернулся после перерыва, в 1954 году. Я уже называл эту дату, а повторяю для того, чтобы сказать, что за прошедшее время, за тридцать с лишним лет, никаких существенных изменений в структуре нашего футбола не произошло.

Между тем образ его жизни круто переменился.

Если в предшествующие годы советские команды лишь эпизодически встречались в товарищеских матчах с зарубежными, то начиная с 1958 года наша сборная включилась в чемпионаты мира, годом позже — в чемпионат Европы. С 1965 года ведущие клубы ежегодно участвуют в розыгрыше трех европейских кубков. Так же регулярно в официальных турнирах выступают молодежные, юниорские и юношеские команды.

До 1960 года звание чемпиона страны у нас разыгрывали между собой три московских клуба — «Динамо», «Спартак» и ЦСКА. Особняком существовал футбол столичный, его окружала футбольная периферия. Три «кита» были собой довольны, а остальные команды им не перечили. Выработался определенный стереотип в сознании игроков и тренеров, в их соревновательной практике.

С той поры чемпионами перебывали в разные годы еще восемь команд, расстановка сил преобразилась, исчезло понятие футбольной периферии.

Все это, вместе взятое, потребовало иного уклада жизни. Выросли тренировочные нагрузки, чуть ли не вдвое больше стало матчей, увеличились разъезды. Да и само развитие игры потребовало дополнительных затрат энергии. Наконец, поднялось в цене значение каждой победы, особенно на международной арене, престижность футбола скакнула резко вверх, а это означает, что и нервная энергия расходуется гораздо интенсивнее.

Несмотря на эти перемены, живем мы по старым, а лучше сказать, по старинным установлениям. Справедливости ради отмечу, что футболисты имеют возможность, играя, получить высшее образование, преимущественно физкультурное. Это, конечно, большое дело. Но одно оно всех проблем решить не может.

Предпринимались попытки юридически упорядочить нашу жизнь. Задумали ввести договора между обществами и футболистами сроком на три года. Но из этой затеи ничего не вышло, потому что обязательства сторон ничем, фактически не

подкреплялись.

Потом возникла идея создания самостоятельных, чисто футбольных клубов. Идея эта обсуждалась в печати, собрала много сторонников. Я принял деятельное участие в ее конкретной разработке, потратив на это два года. Предложения были заслушаны на коллегии Спорткомитета, их не отвергли, но и не утвердили, и они повисли в воздухе.

В ведении городского совета общества «Спартак» сорок (!) видов спорта. В том числе футбол. Не имею права пожаловаться, нашим делам — «зеленая улица». Однако...

Две иллюстрации. Первая. В долгом перерыве между календарными матчами нам понадобилась контрольная игра. Договорились о поездке в Орехово-Зуево. Перед этим команде полагалось провести день на тренировочной базе в Тарасовке. И вот чем пришлось заниматься, чтобы получить разрешение МОСПС на товарищескую игру. Написать заявление на имя председателя совета, приложив к нему список футболистов, намеченных в поездку. Заготовить проект постановления президиума совета в 6 экземплярах. Следом — письмо-распоряжение директору тарасовской базы, смету расходов, письмо-заказ на автобус. А по сути дела, нужен-то был один телефонный звонок.

Вторая. Намереваемся мы заявить нового игрока. Так вот, заявку мы обязаны подать в Спорткомитет Москвы, в Спорткомитет РСФСР, в Совет ДСО профсоюзов, в Российский совет «Спартака», в Центральный совет «Спартака» и в Управление футбола Госкомспорта СССР. В шесть адресов!

Мы захлебываемся в бумажном море, входящие и исходящие, оригиналы и копии в столы не влезают. Глубоко уверен, что футбольная команда высшей лиги в ее современном виде переросла такую мелочную опеку. Если когда-то и была нужда водить нас на помочах, то теперь расширившийся круг задач и обязанностей требует большей самостоятельности. Ограниченность инициативы становится тормозом.

Итак, вместо команды при спортивном обществе — футбольный клуб. Возглавляет его правление, состоящее из авторитетных, знающих футбол людей, общественников, председатель — почетный, заместитель — штатный. Клуб арендует у общества стадион и базу, оставаясь под контролем президиума общества. Жизнеспособность клуба проверяется доходами от посещаемости матчей, по сути дела, достоинством игры, а значит, и работой правления клуба.

Конечно, правлению клуба пришлось бы поломать голову над пропагандой футбола, над привлечением зрителей. Думаю, оно

не допустило бы того, что приключилось однажды с нашим матчем с «Черноморцем». Представьте, ко мне явился болельщик и выложил на стол три разных билета на этот матч: в Лужники, на «Локомотив» и на «Торпедо», сказав, что он всюду провел по часу в очередях. Я мог ему лишь посочувствовать, игру в самом деле переносили со стадиона на стадион. Так полных трибун не соберешь.

Поинтересовался я перед одним матчем, осенью, у директора стадиона, как идет продажа билетов. И в ответ: «Не знаю». Я удивился. А директор говорит: «Что вы удивляетесь, мы план уже выполнили». Нет сомнений, что план был заниженный. Правление клуба с этим не примирилось бы, оно бы действовало в соответствии с общей линией на доходность, бережливость и экономию.

В рекламе футбола мы не предприимчивы. Лишь изредка в газетах и телевизионном «Футбольном обозрении» что-то скажут о значении предстоящего матча с участием сборной. А следовало бы регулярно прикидывать шансы сторон, давать прогнозы, как стала практиковать газета «Известия». Утверждать: «Побеждайте подряд, и народ повалит»,— удобно, но такое пожелание не свидетельствует о большом знании футбола. У англичан есть поговорка: «Плохая игра — перед хорошей». Я ей доверяю, за ней стоит вековая практика. Иногда и мы, жизнь посвятившие футболу, не угадываем, какой матч вдруг получится.

Вернусь к клубу. Вижу огромное его достоинство в том, что открывается возможность решения всех проблем, крупных и мелких, силами людей сведущих, знатоков, специалистов. При нынешнем положении, когда футбол растворен среди множества других спортивных дисциплин, он невольно оказывается в зависимости от людей, недостаточно его знающих. Люди эти, даже будучи расположены к футболу, его своеобразия и нюансов не чувствуют, пытаются влиять на него, руководствуясь «общими позициями», что обычно к добру не ведет. Слишком многосторонним стало футбольное хозяйство, чтобы управлять им без специальных познаний и опыта. По моим наблюдениям, человек, пришедший в нашу сферу со стороны, не раньше, чем лет через пять, постигает необходимый минимум. Не сомневаюсь, что организация клубов создала бы в футбольной жизни более деловую обстановку. Тщательнее бы продумывались условия соревнований, календарь. Мы же до сих пор не изучили, по каким дням лучше проводить матчи: суббота, воскресенье, может быть, летом понедельник? Никто толком не знает доходов и расходов команд, а клубы вели бы им заинтересованный счет. Наконец, в клубе было бы установлено не единоличное управление

командой, а коллективное. Сообща создавалась бы и настроенность футболистов на те или иные достижения. И любой конфликт, заминка решались бы знающим дело правлением. Тренеры — футбольные специалисты были бы подотчетны правлению. Если бы клуб являлся финансово ответственным, он имел бы возможность заключать на определенные сроки договора с игроками. А те получили бы права, которых у них сейчас нет.

Здесь уместно высказать мнение о футбольном меценатстве. Не знаю, с чьей легкой руки применительно к футболу меценатство истолковывается как явление сугубо отрицательное, от которого происходят всевозможные беды и искажения. Между тем, как известно, по своему происхождению термин этот подразумевал добрые деяния людей, покровительствовавших и помогавших искусству. У каждой команды есть друзья в разных сферах, которые ей охотно приходят на помощь. Случаев, когда поддержка нам необходима, не перечесть и не предусмотреть; ограниченными силами, которыми располагает администрация команды, трудно, а иной раз и невозможно решить все неожиданно й срочно возникающие вопросы. Это авиабилеты, бронирование мест в гостиницах, перенос экзаменов для наших студентов на свободные от матчей дни, ремонт служебных машин, билеты в театр, когда футболистам требуется разрядка, устройство детей в детские сады, жилищные дела и так далее. Да, нам помогают, секрета тут нет, да и как иначе, если команда живет в напряженнейшем темпе.

И я пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность всем друзьям команды, идущим ей навстречу. Уж и не знаю, меценаты ли они, но их бескорыстное сотрудничество, основанное на понимании наших затруднений и нужд, так органично вплетено в деловую жизнь футбола, что без него мы рискуем остаться на мели.

Мне представляется, что все это отражает несовершенную структуру жизни команд. Клубная форма с авторитетным и дееспособным правлением позволила бы в большинстве случаев обходиться собственными силами. Сейчас же, должен признаться, бывает неловко пустяковыми просьбами беспокоить занятых людей, уповая на данные «разведки», что они неравнодушны к «Спартаку». Да и, согласитесь, зыбко все это, ненадежно.

Не взыщите с меня за эти фантазии. Может быть, сегодня мы еще не готовы повсеместно учредить такие клубы. Но надо дерзать, пробовать: наш футбол вырос из самодеятельной одежки.

Понимаю всю сложность руководства футбольным делом в масштабе страны. Знаю, что у аппарата Управления футбола уйма повседневных забот, полон уважения к членам президиума

федерации футбола, общественникам, бескорыстно и заинтересованно в свое свободное время ведущим ответственную работу. Однако должен признаться, что мне неясно, как распределены обязанности между управлением и президиумом. Не знаю, кто кому подчинен. Иной раз один и тот же вопрос решает то один, то другой орган. Иногда президиум федерации просто штампует то, что разработано управлением. Из-за смешения функций в поле зрения того и другого органа оказываются, как правило, одни текущие дел, которым несть числа.

Мне бы казалось, что президиум, в котором должны объединяться опытные люди, с широким кругом познаний в области футбола, мог, кроме общественного контроля за работой аппарата управления', разрабатывать и выносить на рассмотрение Госкомспорта СССР проблемные, имеющие широкое значение предложения, мог стать мозговым центром.

Сейчас настало время пересмотра многих старых представлений во всех областях нашего хозяйствования. Не вижу, почему футбол, с его общественным резонансом, должен оставаться в стороне, на уровне пятидесятых годов.

Потенциальные возможности советского футбола, по моему глубокому убеждению, мы используем едва ли наполовину, значительная часть труда, сил и времени тратится на преодоление трудностей, возникающих в результате неорганизованности и неопределенности нашего положения.

Утверждая это, я ни в коей мере не собираюсь отвести от нас* практических работников, упреки и претензии. Что же до команды «Спартак», за которую я лично несу ответственность, то отчасти о его задолженности перед нашим футболом я уже упоминал и намерен еще сказать.

Что уж там говорить, обольщаться особенно нечем ни «Спартаку», ни остальным командам. Важные международные победы еще не завоеваны.

ПОСТОЯНСТВО МАСТЕРСТВА

Чувствую, не уйти от популярной темы «Когда играли лучше?». Многим она не дает покоя, желающих идеализировать прошлое хоть отбавляй.

Ранний футбол наш начинался согласно выражению «Охота пуще неволи». Мы были страстными его приверженцами, искали в нем психологической разрядки, нам не терпелось сыграть. И первые клубные чемпионаты страны, начавшиеся в 1936 году, тоже были под властью азарта, накала, под влиянием возвышенных нравственных и душевных установлений. Ничего тут нет удивительного, до футбола мы дорывались, календарные матчи обычно проводились всего раз в неделю. Если же посмотреть на саму игру тех лет из сегодняшнего окна, то представляется она мне тактически не сложной, перемежающейся очевидными техническими огрехами. В целом я бы сказал, что футбольная игра на моей памяти прогрессировала точно так же, как прогрессирует и все остальное в жизни. Сошлюсь в доказательство на несколько фактов. В тридцатые годы мастера тренировались по вторникам, четвергам и субботам, а играли в воскресенье. Сейчас тренировки ежедневные, по два раза в день, а весной — по три. Было время, когда на команду приходился один мяч. Нынешние мастера выходят на занятия каждый со своим мячом, да возле ворот лежат запасные, чтобы не терять времени, если мяч улетит далеко. А какие теперь мячи! Идеально круглые, без шнуровки и резиновой трубки для надувания, как раньше. А бутсы! Они полегчали вдвое, весят нынче двести граммов, в них можно танцевать на балах. Короче говоря,

общение с мячом выросло в десятки раз, не говоря уж о том, насколько оно стало легче, удобнее и приятнее. Если оставить в стороне уникально одаренных, таких, как П. Дементьев и Г. Федотов, то уровень игроков — назовем их обычными — сейчас несравнимо выше, они непринужденно выполняют приемы, считавшиеся некогда редкими, сложными.

Игра стала заметно быстрее. Встречались и в мое время скоростники, но они могли позволить себе увлечься бегом в одиночку. Другие нажимали на обводку, но чувство меры они то и дело теряли, задерживали мяч. Теперь, как известно, в ходу передачи в одно касание, заниматься обводкой в середине поля — признак невысокого класса.

Кстати, напомню, что игру в одно касание провозгласил и культивировал замечательный тренер Борис Андреевич Аркадьев. Точно так же, как я считал для себя невозможным пропустить

хотя бы одну игру Г. Федотова, всегда нетерпеливо, с предвкушением чего-то нового стремился на каждое выступление Аркадьева на тренерских конференциях, изучал его статьи, его учебник. Культурный, дальновидный человек, ему очень многим обязан наш футбол!

А мне довелось противостоять ему на поле. Меня, правого крайнего, он, левый полузащитник, не раз держал. Жестко играл, хорошо бегал, высоко поднимая колени. Бывало, сталкивались, что-то он мне намеревался сказать в пылу, но так как он слегка заикался, я отбегал, не дождавшись, и так и не узнал его мнения о наших молодых единоборствах. Сколько же времени минуло!..

В пору, когда мы с Аркадьевым играли, «университеты» футбольные проходили следующим образом. После матча уговаривались: «Пойдем потолкуем о тактике». Собиралось нас человек семь-восемь, шли в трактир, заказывали самовар, баранок и принимались разбирать свою игру. Теорий мы тогда еще не изучали, судили попросту, исходя из практики. Но возникали и тонкости, полезные и современным игрокам. Напираем мы, крайние нападающие, левый — Валентин Прокофьев и я — правый, на нашего главного «диспетчера» Петра Исакова: «Почему редко мяч давал?» А он аккуратно, спокойно разъяснит: «А зачем тебе было давать, я же чувствовал, что ты сегодня не в ударе, все равно испортишь». И ведь угадывал! Между прочим, нападающий Ю. Гаврилов, тоже прирожденный распасовщик, наделен такой же интуицией, всегда старается найти передачей того партнера, у которого игра хорошо идет, кому попало он мяч не доверит.

Я преисполнен уважения ко всевозможным знаниям, накопленным за годы в нашей специальности. Хочу только предостеречь наиболее рьяных эрудитов: знаниями надо пользоваться с чувством, с толком, помогая ими игре, а не подавляя ее ими.

Не могу, например, согласиться, когда слышу, как современный тренер во всеоружии разученных им тактических схем и маневров демонстрирует их игрокам по пятьдесят раз за сезон и не меньше чем по полтора часа за «сеанс», пытаясь им вдолбить, когда и куда они должны передвинуть ногу. У меня в таких случаях возникает ощущение, что он блистает своими познаниями, так сказать, из любви к искусству, а к предстоящему матчу они не имеют отношения. Да, тренерам следует всячески предостерегать игроков от ошибок, внушать, что им нельзя делать. А каждый ход в игре не предусматривать и не навязывать. Обстановка на поле большей частью непредсказуема, команда же не может одинаково выполнять затверженные заповеди, если счет сделается 0:1 либо 1:0. Она непременно что-то изменит по

ситуации, на то она и команда мастеров.

Кажется, я недвусмысленно дал понять, что вижу современный футбол значительно и существенно превосходящим старинный. После этого со спокойной душой скажу и о том, что меня не устраивает сегодня.

С того момента, когда команды мастеров стали гораздо больше играть и тренироваться, нагрузки, как и требования к технической квалификации, выросли, прежний откровенный, неуемный пыл стал подчиняться строгим правилам турнирной стратегии. Не возразишь, это естественно.

При такого рода поворотах нередко начинают заново пересматривать и самую суть игры. Едва ли не большинство тренеров заразилось оборончеством, декларации об атакующем футболе произносятся на словах, для приличия. В ходу соревнование не в том, кто больше забьет, а в том, кто меньше пропустит. Из-за этого футбол искажается даже на глаз.

Нельзя же представить, что размеры поля взяты с потолка, нет, они предусматривают наилучшие возможности для содержательной, хорошо смотрящейся с трибун игры — 7350 квадратных метров. Прикиньте, сколько используется обычно: хорошо, если по 15— 20 квадратных метров на футболиста. А половина поля не обжита. Толкотню и тесноту создают вовсе не новейшие тактические построения, а трусость оборонцев, боязнь пропустить, ибо у них нет веры, что сумеют забить в ответ. Иногда мы сидим на лавочке и спрашиваем ДРУГ у друга: «Кто ударил?» В толпе не различишь.

Когда я сейчас вижу в команде двух, а то и одного форварда, испытываю чувство горечи. Прекрасно осведомлен о новых тактических построениях, вижу, что хавбеки, даже защитники, забивают. И все же «сокращение штатов» неминуемо повлекло за собой сведение к минимуму искусства форвардов, наиболее тонкого, изощренного в футбольной игре. Понимаю, что никого не уговорю прибавить в командах нападающих. Но почему-то надеюсь, что о нас, крайних форвардах, еще вспомнят. В этом случае, помимо всего прочего, будут учтены интересы зрителей.

Я вообще полагаю, что футбол в будущем начнет энергичнее совершенствоваться как зрелище. Мне приходилось видеть поля, уложенные по наименьшим из разрешенных правилами размерам, и получать по этому поводу разъяснения, что сделано это для того, чтобы зрители видели больше событий в наиболее интересных для них зонах.

Вернусь к тому, что еще мне претит. Это персональная опека. Вопрос сложный, о нем судят и так и этак много лет разные авторитеты. Не собираюсь касаться его во всем объеме, во всех

разветвлениях. Кажется, я был одним из первых нападающих, кто подвергся «персоналке». Итог был таков: когда мне однажды удалось оторваться от опекуна и выйти один на один с вратарем, мой постоянный преследователь настолько поверил, что обязан меня «съесть», что недолго думая ударил меня сзади по обеим ногам. Я упал и был отвезен в больницу. Было ли утешением, что моего обидчика удалили с поля? В конце концов суть не в моем неловком падении, а в том, что против футбола было совершено преступление. И сколько самых лучших пострадало от грубости, от «персоналки»: Г. Федотов, В. Бобров...

«Персоналка» — цинично-плебейский способ ведения защиты, при котором над игрой совершается грубое насилие. Не верю, чтобы с трибун так уж привлекательно выглядело это туповатое, назойливое преследование на грани не фола, а членовредительства. Утверждают, что встречаются искусные персональщики, которые и мяч отберут, и соперника пальцем не тронут. Допустим, такие есть. Но много ли их? А персональную опеку, хотя она не способствует развитию ни техники, ни соображения, внедряют даже в детских командах. Это тоже проявление оборончества — «сам не играй и другому не позволь». Хочу только оговориться, что я имею в виду не наблюдение за противником в зоне, а преследование по всему полю.

Нередко можно услышать вопрос: «Кого считать истинным мастером футбола? Каким требованиям должен он отвечать?» Вопрос не из числа досужих.

Недаром говорят: «Команда играла так, как ей позволял противник». Своеобразие футбольного мастерства в том, что оно выражается в преодолении. Умеющий переигрывать и есть мастер. Если же игроку «мешают» противники, не дают ему себя показать, то в его мастерстве приходится усомниться.

Не думаю, чтобы футбольное мастерство принципиально отличалось от мастерства в любой другой сфере человеческой деятельности. Если человек предан футболу, умеет ему подчинить все остальное, он обязательно будет совершенствоваться и станет мастером. Пусть даже способностей ему отпущено скуповато, все-таки в лице такого человека мы получим мастера. Ну а когда при таком отношении к футболу есть еще и талант, то вырастает мастер, которого помнят десятилетиями, мастер, повлиявший на развитие игры.

Я упоминал, что не мог в свое время налюбоваться игрой Григория Федотова. Не в том дело, что он забивал имевшие дорогую цену голы, и даже не в том, что, наблюдая за ним, нельзя было не испытывать эстетического удовольствия. Федотов надолго предвосхитил футбол будущего, внес в игру столько

нового, сколько не снилось самым прозорливым тренерам.

Еще в довоенное время он с безошибочной разумностью, непринужденно действовал согласно требованиям обстановки, умел сыграть либо индивидуально, либо строго в командных интересах. С ним все партнеры играли хорошо, во всяком случае, лучше, чем в его отсутствие. Он быстро подмечал, кто в чем силен. Если, скажем, у его товарища уверенный удар с правой ноги, можно было не сомневаться, что Федотов откинет ему мяч под эту ногу. Он в пору жестких тактических схем наперекор общепринятому со своего левого фланга уходил и в центр, и направо, как ему подсказывала интуиция.

Думаю, что он первым в нашем футболе начал забивать мячи головой в падении. Стал постоянно пользоваться резаными ударами, когда о «сухом листе» никто и понятия не имел. В знаменитом матче «Спартака» со сборной Басконии на стадионе «Динамо» (6:2) в 1937 году первый гол он забил с линии ворот в дальний угол по траектории тогда немыслимой. У него был оригинальнейший бег, он бежал, не выпрямляясь, а как бы приседая, и, чем более всего обескураживал защитников, неуловимо менял скорость: разгонится, приостановится и снова рванется.

Вероятно, я перечислил не все его достоинства. Но разве и это не характеризовало бы с лучшей стороны и сегодняшнего мастера, хотя с федотовских времен прошло чуть не полвека? Разве и сегодня мы не добиваемся, чтобы футболисты умели чередовать коллективное и индивидуальное начало?!

Хорошо помню, что уже в 1937 году Федотов имел собственное мнение по всем игровым вопросам, учить его было нечему. А был ему тогда 21 год. Он на удивление рано постиг суть игры, оригинально, остро истолковывал тактические моменты. Федотова в ту пору, когда он из Ногинска перебрался в столицу, нельзя было назвать человеком особо развитым и начитанным. Но он был, я бы выразился, хитро-веселым, все ловил с полуслова, быстро схватывал, точь-в-точь как на поле, в игре.

К слову, должен заметить, что дураки в футбол не играют. С годами я привык, наблюдая за действиями того или иного игрока, если я, конечно, с ним знаком как с человеком, видеть в нем не отвлеченную футбольную фигуру, а известную мне личность. Вот я вижу, как пускается в затейливый, озорной, с выкрутасами, маневр наш полузащитник Евгений Кузнецов, ярославский парень, и знаю, что таков он и за пределами поля: выдумщик, с норовом, своевольный. Наблюдая за Ю. Гавриловым, затевающим свои комбинации, я узнавал его прозорливость,

предусмотрительность, упорство, все то, что мне о нем известно за годы, проведенные рядом. Меня радует, что существует Клуб бомбардиров имени Федотова и что приз команде, забившей наибольшее число мячей в чемпионате, тоже носит его имя. Конечно, он не один такой в истории советского футбола. Был у нас техник мирового класса ленинградец П. Дементьев. А какой образец форварда создал Э. Стрельцов! У мастера жизнь на футбольной сцене недолгая. Но и она длится не на едином дыхании. Не спешите меня ловить на противоположных примерах, знаю, что исключения встречаются. И все же долгие наблюдения позволяют мне утверждать, что мастер проходит три этапа.

Первый — с 18 до 23 лет, когда голова не всегда поспевает за ногами.

Второй — с 24 до 28 лет, когда голова и ноги работают заодно, лучшая пора.

Третий — с 29 лет и до конца игровой карьеры, когда ногам не всегда удается поспевать за головой.

Во время каждого из этих этапов игрок может быть хорош, полезен для команды, но по-разному. И к этому надо уметь относиться с пониманием.

Чрезвычайно важен первый этап, тут решается, мастером какого калибра станет футболист. В это время он должен обзавестись, я бы сказал, опытом аналогичных ситуаций. Сотни повторений ведут к выработке рефлексов, реакции становятся автоматическими, уверенными. И от того, насколько молодой игрок окажется добросовестным, терпеливым, переимчивым, способным осмысливать неудачи и вносить что-то собственное, новое, зависит его будущее, время расцвета, когда обычно добиваются признания.

Футбол начинается с техники и стоит на ней. У нас к этой стороне мастерства отношение почему-то неровное, непостоянное, о ней то забывают, увлекаясь физическим развитием, тактикой, воспитанием воли, то вдруг вспоминают и бьют в ее славу во все колокола.

Природные способности для того, чтобы сделаться «технарем», существуют. Но весь вопрос в том, как их развивать и упражнять.

Создание школ, где ребят учат футболу,— одно из наших достижений. «Загвоздка в том, чему и как их учат. Наблюдая за выпускниками, с грустью вижу, что они похожи друг на друга, как батоны, выпекаемые на хлебозаводе, черты индивидуальности у них едва различимы. Не случайно надежды на открытие оригинального игрока все чаще связываются с небольшими

городами. Не оттого ли это, что туда стандартное обучение еще не проникло, не охватило всех?

Хотя я, когда играл, был по росту в своей команде правофланговым, с большим сомнением отношусь к тому, что баскетбольный рост проникает в больших количествах в футбол. Боюсь, как бы погоня за ростом игроков, нынче вошедшая в моду, не придавила футбол, не вытравила из него игровое начало, не сделала^ его однообразным. Задуматься бы вовремя тренерам над тем, почему так редко встречаются игроки типа Ф. Черенкова, А. Заварова, А. Нарбековаса, без которых футбол теряет живинку, упрощается!

Техника закладывается в раннем нежном возрасте, «технари» — они все из детства. Не знаю случаев, чтобы взрослый футболист вдруг превратился в «технаря». Другое дело, что технические навыки полагается постоянно тренировать, оттачивать, совершенствовать. На моих глазах С. Сальников, общепризнанный «король техники», когда заканчивались общие занятия, регулярно собирал с десяток мальчишек и затевал с ними игры втроем против шестерых или он один против троих. Учебной программой это не предусматривалось, но Сальников знал, что делал, он до конца своей карьеры оставался виртуозом. Подобное отношение к поддержанию и развитию своего мастерства, к великому огорчению, сейчас встречаешь чрезвычайно редко. И тренеров упрекнуть едва ли справедливо, тут должна проявляться внутренняя потребность игрока, его взыскательность к самому себе. А индивидуальные занятия по принуждению — это бессмыслица.

Я лично высоко ценю командный патриотизм и смелость.

Командный патриотизм, полагаю, понятие ясное. Если мы в своем кругу о ком-то говорим «спартаковец!», то это надежная характеристика. И не обязательно человек этот по происхождению с «Ширя-евки» или из Тарасовки. Достаточно много было игроков, пришедших в нашу команду взрослыми, но принявших нашу «веру».

Но попадались, что греха таить, и люди как бы из «наемного войска», играли неплохо, но без душевного горения, с прохладцей. Футболка на них та же, а в ранг спартаковцев мы их не возводили.

О смелости применительно к футболу на первый взгляд рассуждать тоже вроде бы незачем, сама игра по своей сути — для людей смелых. Так-то оно так, а мы тем не менее то об одном, то о другом отзываемся: трусоват.

Основываясь на долгом опыте, я выработал для себя некую градацию. Не настаиваю на ее абсолютной точности, но рискну

предложить вниманию читателей.

Первыми идут храбрецы, люди от природы лишенные чувства страха. Смело они играют всегда, без исключений. Могу назвать В. Степанова, Н. Дементьева, И. Нетто, А. Масленкина. (Привожу примеры из «Спартака», потому что лучше знаю одноклубников, но, разумеется, храбрецов достаточно и в других командах)

Из следующего поколения спартаковцев храбрецами как на подбор были полузащитники команды — чемпиона страны 1969 года Н. Киселев, В. Калинов, В. Папаев. В сегодняшнем «Спартаке» к этому разряду я отношу Г. Морозова и Е. Кузнецова.

Хочу сделать оговорку: не зачисляю в храбрецы тех, кто играет грубо, это нечто иное, из другой оперы.

Следующая категория — те, кто не боится вмешаться в заведомо опасную ситуацию, делает это часто, но не всегда.

Третья — предпочитающие благоразумный риск, они рискуют иногда.

И наконец, игроки, заставляющие себя рисковать «через не могу», причем в крайних случаях.

Как видите, все проявляют смелость, без этого на поле делать нечего, но в разной мере и по разным побудительным причинам. Давно замечено, что тот, кто больше опасается, чаще страдает. Это практическая выгода от смелости. Ну а храбрецы — так те цены не имеют, именно они, более чем другие, способны повести команду за собой. Предположим, известно, что у противника грозные, опасно играющие защитники. Если у нас не окажется храбрецов, которые как ни в чем не бывало вступят в борьбу с этими защитниками, то дело плохо, инициатива будет потеряна. Если же они есть, покажут пример остальным, то и вся команда втянется в игру.

В этой связи уместно сказать о спартаковском духе. Пожалуй, лет пятнадцать назад я этой темы не стал бы касаться: с какой стати толковать о том, что и без пояснений видно. Да, спартаковский дух — никакая не мистика. Он проявлялся особенно выпукло в том, что мы, как правило, выигрывали узловые, решающие матчи и в чемпионате, и в розыгрыше Кубка, и международные. А обеспечивалось это, как я считаю, разумным подбором игроков, наделенных ярко выраженной волей. Помню, приехал к нам с предложением своих услуг Василий Соколов, молодой и безвестный. Побеседовали мы с ним, а когда он вышел, брат мой, Андрей Петрович, говорит: «Нечего сомневаться, возьмем, ты разве не заметил, какие у него глаза: стальные, как у хищной птицы...» Взяли и не раскаялись. Выдающимся, несгибаемым защитником, сначала крайним, а потом центральным, стал Василий Николаевич. И тренером позже

был, в 1952 и 1953 годах «Спартак» под его началом чемпионом становился.

Или другой случай. Заявился незваным из Днепропетровска никому не ведомый вратарь Алексей Леонтьев. Дело было зимой. И вот в маленьком манеже на улице Воровского устроили ему проверку. Встал парень в ворота, а бить ему взялись те, у кого «тяжелые» удары,— В. Степанов, В. Семенов, Ан. Старостин. И они разошлись друг перед другом. Я сидел, смотрел и начал даже жалеть бедного пришельца. А он в то время тощенький — кидается и ныряет в углы ворот, да так отчаянно, так бесстрашно и зло, словно сошлись они не на живот, а на смерть. В тот же день было решено — берем. Пришелся ко двору Леонтьев, стал спартаковцем.

Мало-помалу так и сложилась легенда о спартаковском духе. А мы ее со своей стороны подогревали: до 1972 года одиннадцать раз выходили в финал Кубка, девять раз побеждали, причем обыгрывали московское «Динамо», «Торпедо», тбилисское «Динамо», которые в тех сезонах были посильнее «Спартака».

Особо мне памятен матч в Киеве глубокой осенью 1969 года. В нем фактически решалось, кому быть чемпионом, «Спартаку» или киевскому «Динамо». Стотысячный стадион, который, естественно, горой стоял за свою команду, настолько громогласно, страстно болел, что слабонервная приезжая команда легко могла сникнуть. «Спартак» не оробел, наоборот, я видел у наших игроков какую-то азартную раскованность, даже озорство: шутка сказать, против них играл чемпион трех последних лет, который, если бы выиграл, обходил нас на очко и, вполне вероятно, стал бы чемпионом в четвертый раз подряд. Да еще и погода хуже не придумаешь: холод, снежная метель. В тот вечер все спартаковцы проявили себя храбрецами. Н. Осянин искуснейшим образом забил гол, и счет 1:0 «Спартак» удержал.

Тот матч — из числа знаменитых матчей «Спартака», в нем в полной мере проявился спартаковский дух, старая легенда получила лишнее подтверждение.

Но после этого она начала постепенно бледнеть, выцветать. В последний раз мы выиграли Кубок СССР в 1971 году. Затем дважды были в финалах — в 1972 и 1981 годах, но оба раза уступили. Стали удовлетворяться призовыми местами, а до первого недотягивали, проигрывали в тот момент, когда победа была нужна позарез, не по-спартаковски проигрывали. Да и в розыгрыше европейских кубков, хотя за «Спартаком» и числятся яркие удачи — с «Астон Виллой»» «Арсеналом», «Брюгге»,— все же наш путь часто обрывался преждевременно из-за недостаточных, как я считаю, волевых усилий.

Возможно, кому-то покажется, что я слишком привередлив, как-никак «Спартак» и сегодня у нас из лучших, одержал за последние сезоны немало эффектных побед, больше всех забивает мячей, способен показать красивую игру. Но что поделаешь, я смолоду, начиная с «Красной Пресни» и потом в «Спартаке», получил такое спортивное воспитание, что ни частичные, ни временные успехи, ни полууспехи удовлетворить меня не могут. «Спартак» открыл свою историю еще в тридцатые годы как команда, обязанная постоянно держать на мушке звание чемпиона и Кубок, таким я продолжаю его видеть и сегодня. Этим и объясняется моя привередливость.

Самокритике я, кажется, уделил немало места. Повторю еще раз, что «Спартак», пережив несколько лет назад подъем, дальше не пошел, начал повторяться. Что ж, девять сезонов мы прожили на виду,

теперь пришло время снова испытывать молодых и новых игроков, искать усиления командной игры. Ситуация в общем-то периодически повторяющаяся, жаль только, что мы несколько запоздали с ее решением.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ

Первый раздел моих заметок заканчивался приглашением со стадионов Мексики перенестись на наши. А теперь снова вернемся к XIII чемпионату мира.

Выезду советской сборной в Мексику предшествовали необычайные события. За 19 дней до начала чемпионата было сменено ее руководство, команду возглавили В. Лобановский, Н. Симонян, Ю. Морозов и С. Мосягин. И, по сути дела, на чемпионате выступало киевское «Динамо». Как такое могло случиться после того, как сборная два с половиной года играла и готовилась в ином составе и с другими тренерами?

Прежде всего о киевском «Динамо». Команда удачно переформировалась, не побоявшись ради этого в 1984 году отступить в середину таблицы. В следующем году успехи на обоих фронтах: она и чемпион, и Кубок СССР у нее. А 2 мая 1986 года киевляне выиграли еще и Кубок кубков.

Не сами по себе результаты производят впечатление. Еще в памяти, как эта команда, даже становясь чемпионом, не пользовалась успехом у зрителей, не получала признания в прессе, да и многие специалисты относились к ней скептически, не разделяя тактических и стратегических воззрений тренера В. Лобановского.

Теперь игровой стиль команды был перестроен заодно с составом. На смену сухому, сугубо рациональному, оборонительному стилю явился атакующий, раскрепощенный, замешенный на игровых импровизациях, «цветной». Незаурядные достоинства В. Лобановского, умеющего ставить перед собой цель и идти к ней, не сворачивая, без колебаний, получили новое воплощение. Дриблинг Заварова, выходы вперед Демьяненко и Яремчука, маневрирование Блохина, Евтушенко и Яковенко, угрозы Раца, держащего ворота под страхом своего удара с левой ноги,— все это выглядело впечатляюще. Молодежь составила с испытанными игроками единое целое. В розыгрыше Кубка кубков динамовцы и на чужих полях вели атакующую игру, чего прежде себе не позволяли. Словом, команда на подъеме.

Не имею права настаивать, но предполагаю, что стилевые перемены были произведены не без влияния общественного мнения, с учетом настроения зрителей.

С другой стороны, сборная в ходе подготовки к чемпионату ничем себя не проявила, проигрывала одну за другой контрольные игры.

Так что решение о реорганизации сборной, принятое

накануне чемпионата мира, словно бы само напрашивалось.

И в самом деле, как я уже отмечал выше, наша новая сборная в первых своих матчах блеснула активной, динамичной, содержательной игрой, оставив о себе хорошее впечатление. Однако ее остановил проигрыш бельгийцам, и она не попала даже в четвертьфинал.

В этом нет ни противоречия, ни большой неожиданности. Команда (киевское «Динамо») на гребне своих недавних успехов как бы по инерции ярко провела еще два матча (со сборными Венгрии и Франции), но в дальнейшем мы стали свидетелями, что клубной команде, даже хорошей, трудно выступать на таком турнире, как чемпионат мира.

К чемпионату она специально не готовилась, для молодых игроков нагрузка, в первую очередь психологическая, оказалась чрезмерной, не выдержали испытания и защитники, им хватало умения для игры на клубном уровне, но на уровне сборных надежная игра у них не получилась.

Претензий к киевскому «Динамо» быть не может, команда сделала все, что было в ее силах.

Урок в другом. Экспромтом на чемпионате мира далеко не продвинешься. Серьезная, основательная подготовка сборной команды с привлечением всех лучших, наиболее опытных игроков остается важнейшей частью нашей общей футбольной работы. Пока же мы обязаны признать, что она нам не удалась, несмотря на жертвы, приносимые клубами, на неудовлетворительный календарь, на пренебрежение интересами зрителей. Лишний раз мы смогли убедиться, что все упирается в недостаточную организованность нашего футбольного дела.

Жизнь футбола безостановочна, продолжается и наша работа. В начале заметок я упомянул, что мне чужд нигилизм, что я с юных лет живу с верой в наш футбол. И все мои критические отзывы, сомнения, рассуждения о том, как следовало бы добиться порядка и очистить моральную атмосферу, продиктованы более всего ощущением, что нашему футболу многое по плечу. Надеюсь, читатель это почувствовал.

Литературная запись Льва Филатова